

Савелов Сергей

Новая жизнь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Савелов
Новая жизнь. Книга
1. Сергей Савелов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44789175

SelfPub; 2019

Аннотация

Это рассказ о покалеченном войной офицере-афганце, начинающем новую жизнь после службы в армии. Бонусом ему в помощь – возможность заглядывать в будущее. На этом фантастические возможности ГГ заканчиваются. Постараюсь обойтись без значимых «роялей» и показать, что только за счет человеческих качеств, знаний, понятий о чести и справедливости, несмотря на все удары судьбы человек способен подняться над обыденностью и построить свой мир. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Книга 1.	4
Пролог.	5
Глава 1. Госпитали. 1988-1989.	25
Размышления.	25
Мои и чужие раны.	30
Обстановка в стране.	43
Мои посетители.	47
Соседи по палате.	51
Третий глаз.	57
Глава 2. Утраты.	66
Другие удары судьбы.	66
Воспоминания. Семья.	78
Похороны.	90
Жена.	104
Соседи.	112
Глава 3. Начало гражданской жизни. Осень 1990 года.	120
Приезд. Первое знакомство.	120
Тетя Маша.	129
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Книга 1.

Новая жизнь разбежалась весенним ручьем,

Новая жизнь разлилась по ларькам, по базарам.

Новая жизнь посидим, помолчим ни о чем,

Новая жизнь никогда не дается даром...

(Из песни группы ДДТ).

Пролог.

В раннее июньское утро 1988 года в Афганской провинции Герат с «бетонки»¹ на грунтовую дорогу свернули два камуфлированных бронетранспортера. Сверху на броне каждой машины сидели группы вооруженных солдат. Крупнокалиберные пулеметы каждого БТР сразу развернулись в противоположные стороны. КПВТ² первой машины ощупывал песчаные холмистые предгорья хребта Банди Сари. Второй – пустынную местность, на топографической карте отмеченную, как степь Ялан.

Еще час назад разведвзвод батальона горного мотострелкового полка, экипированный по-боевому стоял в две шеренги перед парком боевых машин. Перед строем появились два офицера. Начальник разведки полка задумчиво вглядывался в молодые лица. За его спиной со своим двухметровым ростом глыбой возвышался начальник штаба батальона. Как старший по званию и должности майор Гуляев приняв доклад от командира разведвзвода о готовности подразделения к выполнению боевой задачи, начал первым:

– По полученным сведениям под Гератом в районе кишлаков Бедам и Керези-Султан происходит какая-то подо-

¹ Основное шоссе Афганистана. В провинции Герат выложено бетонными плитами и протянулось с севера на юг.

² Крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый. Калибр 14,5 мм.

зрительная активность. Возможно, туран Исмаил³ или какой-нибудь полевой командир задумал расширить зону своего влияния и закрепиться в том районе. Территория нейтральная. Официальной власти и подразделений афганской армии там нет. Вам предстоит проверить, что там происходит. Если ничего не выявите, то покругитесь в том районе и возвращайтесь. Задача – обозначить наше присутствие и показать, что мы контролируем обстановку и не допустим нарушения сложившегося баланса сил в провинции перед выводом войск поблизости от Герата и «бетонки».

– Ребята вы опытные. Каждый второй – Ремба. Справитесь, – в заключении похвалил или пошутил.

– В кишлаки не заходить и в горы не углубляться! Ваша задача – поводить стволами и убраться оттуда без потерь. Если что обнаружите, то в бой не вступать, а доложить в полк и ждать указаний, – пробасил начальник штаба, глядя в основном на молодого подтянутого офицера, командира разведывательного взвода батальона. – Андрей! Уточни со связистами основные и запасные частоты и контрольные точки маршрута, – обратился напрямую к командиру разведчиков.

Офицер, стоящий на правом фланге строя кивнул, улыбувшись:

– Уже, товарищ капитан.

³ Капитан Исмаил – бывший офицер афганской армии. Наиболее влиятельный полевой командир и непримиримый противник официальной власти в провинции.

Все было, как всегда и все организационные мероприятия для боевого выхода проведены были заранее.

Командир разведгруппы был экипирован, как все разведчики, только одет в эксперименталку⁴, на голове кепи и обут в офицерские полуботинки. Армейский стальной шлем, обшитый камуфлированной материей, был пристегнут к снаряжению у левого плеча. Поверх бронежилета на груди висел трофейный брезентовый «лифчик»⁵ с удлиненными магазинами от пулемета РПК-74⁶ в ячейках. Из более мелких ячеек лифчика торчали запалы оборонительных и наступательных гранат, а к снаряжению пристегнуты наземные сигнальные огни, дымы и ракеты с разноцветными колпачками. Сбоку на ремне – офицерская сумка. Автомат АКС-74⁷ – за спиной на плече стволом вниз. Приклад автомата обмотан резиновым медицинским жгутом. В рамке приклада зажат ИПП⁸.

Солдаты одеты в обычное хлопчатобумажное обмундирование защитного цвета, разной степени изношенности и обуты в ботинки с высоким берцем. На головах – обшитые сеткой или материей каски. Все в бронежилетах. За спинами – вещмешки. На вооружении разведгруппы были автома-

⁴ Новая форма одежды, разработанная для войны в Афганистане.

⁵ Нагрудный пояс для переноски боеприпасов.

⁶ Ручной пулемет Калашникова. Калибр 5.45 мм.

⁷ Автомат Калашникова со складывающимся прикладом. Калибр 5.45 мм.

⁸ Индивидуальный перевязочный пакет. Бинт, упакованный в герметичную непромокаемую оболочку.

ты АКС-74 (у большинства), некоторые с подствольниками⁹, АКМС с ПБС¹⁰, два СВД¹¹, РПК-74, АГС-17 «Пламя»¹² и ПКМ¹³. Дополнительно с собой на всякий случай брали пару «Мух»¹⁴ и прибор ночного видения. У штатного радиста была радиостанция Р-105, у командиров отделений – Р-126 и Р-148 у заместителя командира взвода. Внештатный санинструктор стоял с брезентовой сумкой с красным крестом.

У всех на солдатских ремнях висели уставные подсумки для магазинов, гранат и фляги с водой.

– Сегодня с вами пойдет сапер на всякий случай, – кивнул начальник штаба в сторону на солдата, одетого как все, только к вещмешку был приторочен сложенный щуп. – Встань в строй, – мотнул головой саперу. – Напоминаю! – повысил голос, – сегодня трофеев не нужно и за «бакшишом» не гоняться! – оглядел строй разведчиков, пряча усмешку, – а то знаю я вас.

В шеренгах некоторые заулыбались, так как помнили, что порой из разведрейдов боевые машины возвращались груженные узлами с коврами, одеялами, подушками, оформ-

⁹ Подствольный гранатомет «Костер»

¹⁰ Автомат Калашникова модернизированный, калибр 7.62 мм, с прибором бесшумной и беспламенной стрельбы.

¹¹ Снайперская винтовка Драгунова. Калибр 7.62 мм.

¹² Автоматический гранатомет станковый.

¹³ Пулемет Калашникова модернизированный. Калибр 7.62 мм.

¹⁴ Одноразовый противотанковый гранатомет.

ленной по-восточному посудой и вообще всем, что приглянулось разведчикам в брошенных кишлаках или караванах. Местное население, заслышав или увидев приближающиеся боевые машины «шурави»¹⁵ зачастую покидало свои жилища, бросали караваны или транспортные средства, и скрывалось, позволяя хозяйничать разведчикам при досмотре. Иногда там находили оружие, боеприпасы и военное снаряжение.

– Первая шеренга два шага вперед, шагом марш! – командовал начальник штаба. – Оружие и снаряжение к осмотру!

Первый ряд разведчиков сделал два шага вперед, изображая строевую выправку. Все, скинув вещмешки, взяли оружие в руки, готовясь к традиционной процедуре. Командир разведвзвода по жесту начальника разведки подошел к нему и оба склонились над картами, чего-то обсуждая и делая пометки.

В стороне стояли остающиеся в расположении разведчики и с завистью поглядывали на счастливых, отправляющихся в рейд. Оставшихся ждали обычные уборки территории, построения, дежурства, то есть все мероприятия, проводимые по распорядку дня строевого полка.

По штату разведывательного взвода в подразделении кроме двух БТР-70 имелась БРМ-1¹⁶. Однако изношенный дви-

¹⁵ Шурави – советские.

¹⁶ Боевая разведывательная машина на базе БМП-1.

гатель боевой машины не позволял ее использовать в обычных разведывательных мероприятиях без риска поломки. Тогда требовались дополнительные транспортные средства для эвакуации. Начальство надеялось, что при выводе войск БРМка хоть часть пути до границы пройдет своим ходом.

Мест для всего личного состава взвода на бронетранспортерах не хватало и за каждый выход в рейд в подразделении разворачивались нешуточные споры, хотя разведка не засиживалась в полку, и все неоднократно участвовали в рейдах. Отдохнув, постиравшись, отмывшись и отоспавшись после возвращения из очередного рейда, через два-три дня разведчики отправлялись с новой задачей на боевой выход.

Батальонная разведка действовала вдоль «бетонки», иногда углубляясь в сторону от шоссе. Разведрота полка ходила к иранской границы, перекрывая дороги, тропы или перевалы. Целью таких выходов было – перекрыть пути снабжения моджахедов оружием, боеприпасами и снаряжением.

Действовали разведчики, как правило, ночами, устраивая засады на путях снабжения противника. Местному населению запрещалось покидать места жительства и перемещаться по дорогам ночью. Все, кто попадался в темное время суток вне кишлаков, негласно считались врагами и без разбирательства уничтожались.

Зона ответственности полка занимала огромную территорию – тридцать километров на север до Герата и на юг почти до Шинданда. От «бетонки» несколько десятков кило-

метров на восток и до иранской границы на запад. Часть полка повзводно с приданными средствами усиления (танками, минометами и артиллерией) выполняли охранные функции, располагаясь заставами на ключевых точках¹⁷ вдоль «бетонки» и вокруг места постоянной дислокации полка.

Ночью блокпосты, расположенные вокруг полка, заставы у шоссе, дежурные артиллерийские системы, закопанные танки постоянно вели упреждающий или беспокоящий огонь по опасным направлениям и пристрелянным местам. Да и просто стрельбой показывали, что дежурная смена не спит или не вырезана. К постоянной ночной канонаде привыкали быстро. Говорили, что, вернувшись в Союз, все испытывали дискомфорт по ночам, не слыша привычную стрельбу.

Вот от одной заставы и поступила информация в штаб о подозрительной активности в прилегающем районе днем и ночью.

В Афганистане обстановка всегда была сложной. К вековой межнациональной, религиозной и межплеменной вражде добавилось вооруженное сопротивление противников официальной власти и ограниченному контингенту Советских войск, выступавшему на стороне правительства страны. В зависимости от того, какую позицию к нашей армии занимал полевой командир, племенной вождь или религи-

¹⁷ Возле перекрестков дорог, крупных населенных пунктов, мостов и на господствующих высотах.

озный деятель в определенной местности, территории и кишлаки негласно делились – на дружественные, нейтральные или враждебные.

Малыми силами на враждебную территорию советские подразделения и афганская армия старались не соваться даже днем. Всегда можно было попасть в засаду, быть обстрелянным или нарваться на мину. Рядом с нейтральными кишлаками тоже могло произойти всякое, но днем маловероятно.

Сегодня разведгруппа направлялась на нейтральную территорию. Перед выводом войск отряды «духов»¹⁸ активизировались, пытаясь укрепить свое положение среди себе подобных и готовясь к будущей вражде, когда «шурави» уйдут.

После традиционного инструктажа, постановки боевой задачи и проверки боевой готовности, наконец, прозвучала долгожданная команда:

– По машинам!

С радостным шумом бойцы расположились внутри и сверху на броне боевых машин.

Командир разведгруппы занял свое место на броне возле командирского люка, справа от механика-водителя, проверил связь по бортовой радиостанции с полком, со второй машиной и дал команду:

– Заводи! Вперед!

– За орденами, а лучше на винные склады! – добавил, про-

¹⁸ Душманы-враги.

бормотав вполголоса.

Стоило бронетранспортерам удалиться от части, как большинство разведчиков переоделись в более удобную, по их мнению, одежду и обувь – добытые разными путями эксперименталки, КЗСки¹⁹, КЛМКи²⁰, а на ногах появились кроссовки и кеды. Каски и бронежилеты остались внутри БТРов, а наверху оказались трофейные одеяла и подушки. Хотя по времени было раннее утро, но броня под жарким афганским солнцем раскалилась так, что казалось на ней можно готовить пищу. Касаться брони рукой или другими участками тела было болезненно. Поэтому все старались уберечь от ожогов наиболее ценную часть тела, на которой сидят и подкладывали под себя одеяла, подушки или бронежилеты.

Это был особый шик разведчиков, чтобы выделяться среди обычной пехоты, постоянно находящейся на глазах начальства, которое болезненно реагировало на нарушение правил ношения военной формы. Командир разведгруппы снисходительно относился к амбициям недавних школьников или студентов и не препятствовал незначительному нарушению установленных требований.

Офицер тоже переоделся в трофейные кроссовки, со знаменитыми на весь мир тремя белыми полосками и одел фирменные солнечные очки, популярные в офицерской среде. Под зад положил афганскую подушку, а под нее сунул карту,

¹⁹ КЗС – костюм защитный сетчатый.

²⁰ КЛМК – комбинезон маскировочный камуфлированный.

чтобы была под рукой. Броник повесил на открытую крышку командирского люка и сверху автомат.

Обе машины были всегда готовы к дальним рейдам. На бортах закреплены ящики и цинки с боеприпасами. Сверху за башенкой обоих БТР приварены цэвэшки²¹ для воды. Такими емкостями были оборудованы все транспортные средства полка, которым приходилось долгое время находиться вдали от пункта постоянной дислокации. В пустынной местности нельзя воевать не только без боезапаса, но и воды.

На башне передней (командирской) машины был приварен станок с установленным телом автоматического гранатомета АГС-17. Грозное и эффективное оружие сейчас было заряжено и готово к стрельбе.

Афганистан, хоть и считался горной страной, но в этой провинции горы похожи на песчаные холмы разной высоты с редкими скалистыми выходами. Заснеженных вершин, подпирающих небо не видно даже на горизонте. Местность больше пустынная или пустынно-холмистая не радующая глаз зеленью или водоемами.

После поворота с «бетонки» БТРы, поднимая тучи пыли, помчались по грунтовой дороге на восток. Слева раскинулась натуральная пустыня, покрытая кустиками верблюжьей колючки. Лишь на горизонте в зыбком мареве скорее угадывались очертания деревьев и строений окрестных аулов пригорода Герата. Там протекала одна из самых крупных

²¹ ЦВ-4 – цистерна для воды на 320 литров.

рек Афганистана Герируд. Где вода – там жизнь. Справа – с каждым километром все увеличивались в размерах песчаные холмы предгорья. Кое-где стали появляться скальные выступы.

Периодически дорогу пересекали промоины зарождающихся оврагов или пересохшие русла ручьев, уходящие вглубь пустыни.

Жалюзи на корме БТРов подняты для лучшей вентиляции двух двигателей.

Командир постоянно оглядывал окрестности, не снимая очков. Периодически доставал из-под задницы карту местности, пытаясь сориентироваться.

За очередной горюшкой открылся широкий распадок с настоящим ручьем, зеленой травой по берегам, немногочисленными деревьями и кустами. К склонам песчаных холмов прилепились дувалы²² с жилищами под куполообразной крышей. Бачата²³, плескавшиеся в ручье и женщины, полощущие белье или набирающие воду, поспешили к жилищам, увидев БТРы шурави.

Разведчики подобрались, замолчали и взяли оружие наизготовку, бросая взгляды в спину командира. Несмотря на прямой запрет вышестоящего начальства, очень заманчиво было бы прочесать отдаленный кишлак – сколько «бакшиша» можно было бы набрать! Возможно, даже добыть ре-

²² Глинобитные заборы.

²³ Дети.

зультат²⁴.

Старлей, однако, проигнорировал местный населенный пункт, а надел шлемофон и, прижав ларингофоны к горлу доложил:

– Гора! Гора! Я Бифер! Я Бифер! Прошел отметку 326. Повторяю, прошел отметку 326. Прием!

Выслушав ответ, с удовольствием стянул и отбросил шлемофон на прежнее место – между люками командира и механика-водителя. На такой жаре находиться долго в «говорящей шапке» – мазохизм. Надел привычное кепи, и обернувшись к подчиненным покрытым пылью лицом, весело подмигнул, кивнул головой и крикнул, стараясь перекрыть рев двигателей:

– Не расслабляйтесь!

Вгляделся во второй БТР, утопающий в шлейфе пыли и вновь отвернулся к дороге и окрестностям. По-видимому, его что-то обеспокоило. Проехав кишлак, он приказал водителю остановиться. Дождавшись второй машины, громко распорядился:

– Всем надеть бронежилеты и каски. Не расслабляться и быть в готовности!

Еще раз окинул взглядом холмы и пробормотал:

– Что-то мне не нравится.

Показывая пример, накинул свой броник, но кепи на кас-

²⁴ Конфискация оружия, боеприпасов, военного снаряжения, взрывчатки и наркотиков.

ку не сменил. Разведчики с неохотой подчинились.

Дальняя однообразная дорога утомляла. Восьмиколесный БТР с легкостью проглатывал неровности дороги, и пассажиры в движении покачивались как на волнах. Даже частые промоины, оставшиеся от бывших ручьев, не являлись серьезным препятствием и почти не заставляли снижать скорость. Некоторые солдаты начали клевать носом.

Неожиданно командир насторожился, завертел головой и обернулся, чтобы призвать бойцов усилить внимание. Вдруг недалеко впереди и чуть в стороне от дороги поднялся столб песка и дыма и прогремел взрыв. Тут же со склонов близких гор ударил крупнокалиберный пулемет.

Офицер среагировал немедленно и, наклонившись к водителю, закричал:

– Влево с дороги, вперед!

Обернулся к бойцам:

– Противник справа! Всем огонь!

Его маневр был понятен – раз у противника минометы и крупнокалиберное оружие, то засада организована не спонтанно, а значит у «духов» было время подготовиться, и дорога впереди может быть заминирована или пристреляна.

– Газу, Витек! – снова наклонился к водиле.

БТР преодолел подобие кювета и с ускорением помчался в сторону от дороги. Это со стороны кажется, что пустыня или степь ровная, как стол. Напротив, в ней множество канав, оврагов, холмиков и мест, где можно укрыться от вражеского

огня.

– Дед! Огонь! Чего возишься? – командир закричал гранатометчику, который среди других разведчиков пытался пристроиться к АГС. – Рудак! – наклонился к люку, – Огонь! – поторопил наводчика КПВТ и тут же понял, что цэвэшка мешает повернуть крупнокалиберный пулемет БТРа в сторону противника. – Витек, прими правее, – указал водителю.

Наконец зарокотал КПВТ и по броне застучали стреляные гильзы. Тут со склонов прочертила дымный след противотанковая ракета, выпущенная из гранатомета РПГ²⁵, СПГ²⁶ или аналогичного оружия иностранного производства и ударила в землю позади боевой машины.

Минометные разрывы били вокруг и пока далеко от разведгруппы. Крупнокалиберный пулемет с гор продолжал выцеливать первую машину и почти нащупал, зацепив по корме. Крупнокалиберная пуля ударила по броне, как кувалдой и отрикошетила, сверкнув искрами.

– К машине! – скомандовал офицер бойцам, махнув требовательно рукой, и схватил шлемофон.

Приложив наушник к уху, а ларингофон к шее начал скороговоркой докладывать невидимому собеседнику:

– Гора! Гора! Я Бифер! Попал в засаду! Веду бой! Веду бой! Как понял? Прием!

Смахнул с головы кепи и надел шлемофон. Выхватив из-

²⁵ Ручной противотанковый гранатомет

²⁶ Станковый противотанковый гранатомет

под зада карту, всмотрелся в нее и продолжил доклад:

– Я Бифер! Обстрелян в районе источника Рег. Источника Рег. Огонь ведется с северных склонов высоты шестнадцать двадцать восемь. Огневые точки «духов» метрах в пятистах от дороги. Повторяю, северные склоны высоты шестнадцать двадцать восемь. Духи в пятистах метрах от дороги. В районе источника Рег. Как понял? Прием....

Выслушал по радиостанции указания и взгляделся в карту. Кивнул головой и продолжил:

– Веду бой в квадрате

Взрыв. Столб дыма и пыли окутал боевую машину и БТР, будто наткнувшись на препятствие, замер с заглохшими двигателями. Когда пыль от взрыва осела, на броне никого не оказалось, а боевая машина без второго колеса с разошедшимися броневыми листами правого борта не подавала признаков жизни. Тело командира изломанной куклой лежало рядом на песке, а изодранная эксперименталка во многих местах набухала кровью. Вокруг валялись сорванные взрывом с брони ящики и цинки.

Командир разведчиков очнулся от боли, когда его неумело пытался перевязать внештатный санинструктор группы. Офицер сидел, опираясь спиной на колесо второго БТРа. Боевая машина второго отделения расположилась в неглубоком овраге и над поверхностью возвышалась только башенка с пулеметами. Из КПВТ велся непрерывный огонь в сторону гор. Вокруг БТРа заняв многочисленные укрытия и тот же

овраг, разведчики обстреливали невидимого врага.

ДШК²⁷ противника не умолкал. Минометный обстрел прекратился после бесполезно выпущенного десятка мин. Вероятно, мины у духов были в дефиците, зато продолжали противно свистеть в воздухе эрэсы²⁸ и взрывались во круг временного опорного пункта разведчиков, поджигая засохшие кусты верблюжьей колючки. Эрэсы доступное для душманов, но малоэффективное оружие. Умелый минометчик скорее попадет точно, чем можно поразить цель неуправляемым реактивным снарядом. Это оружие можно применять по площадям и в качестве психологического давления из-за противного звука в полете.

В семидесяти метрах накренившись, и осев на правый борт, дымился развороченный первый БТР. Ствол АГС на станке беспомощно смотрел в небо.

Офицер со стоном пошевелился и здоровой левой рукой прикоснулся к лицу, залитому кровью. Обрадованный разведчик, пытающийся наложить жгут на бедро раненого в районе паха, закричал:

– Хохол! Командир очнулся!

– Что с глазами? – прохрипел раненый, ощупывая лицо рукой.

– Сейчас, товарищ старший лейтенант, подождите, про-

²⁷ Станковый крупнокалиберный пулемет Дегтярева-Шпагина. Калибр 12.7 мм.

²⁸ Неуправляемый реактивный снаряд класса земля-земля.

мою, – заторопился медик.

Закончив со жгутом, из-за спины достал пластиковую флягу, смочил водой очередной рулон бинта и начал аккуратно протирать офицеру глаза и веки с ресницами, слипшимися от засохшей крови.

– Командир, я здесь! – рядом присел еще один разведчик с автоматом, к которому был прикреплен подствольник, бесполезный для этого боя.

– Докладывай! – прохрипел офицер, пытаясь сосредоточить взгляд на окружающих.

Командир первого отделения по прозвищу Хохол, подумав, заговорил с явным украинским говорком:

– Наш «бэтр» подорвался на mine. Мы смогли вытащить через боковой люк сильно контуженого Рудака, а Витька не успели. Духи из ДШКа расстреляли неподвижную коробочку²⁹ и его внутри покروшили. Вас достали из-под обстрела, закидав дымовухами. Промедолом³⁰ обкололи. Думали..., – замолчал от толчка медбрата и, кивнув головой (мол, понял) продолжил: – Замок³¹ ранен осколком в ногу. Легко. В полк Рыжий доложил обстановку. (Рыжий – штатный радист группы). Передали – держаться. А куда нам деваться? Держимся. Обещали помощь прислать и артиллерией поддержать.

Помолчав, продолжил с сожалением в голосе:

²⁹ Сленговое название транспортного средства.

³⁰ Обезболивающее.

³¹ Заместитель командира взвода.

– Весь наш БТР изрешетили из ДШК и подожгли. Бензобаки рванули, а там Витек.... До сих пор там патроны рвутся. (Отвернулся).

Офицер стиснул зубы и закрыл глаза от боли или горечи потери. Жалко молчаливого спокойного простого деревенского парня и умелого надежного водителя.

С обстановкой понятно. Сложилась патовая ситуация. Разведчики вовремя ушли от огня противника и закрепились, а «духи» никогда не атаковали в открытую. Оба противника в укрытии и не могли уже уничтожить друг друга. Время на нашей стороне – осталось дожидаться помощи из полка.

Тут в отдалении послышались гулкие разрывы крупнокалиберных снарядов. Несколько взрывов прозвучали поблизости.

– Я сейчас! – бросил Хохол и исчез.

– Наши духов утюжат, – доложил, вернувшись, и грязным рукавом старой кэзэшки вытер пот с чумазого лица. – Рыжий корректирует огонь, – добавил.

– Долго я ...? – через силу поинтересовался офицер, не договорив.

– Минут сорок, – ответил комод³², переглянувшись с медиком.

В бою, как правило, время не замечаешь. Оно то растягивается так, что минуты кажутся часами, то летит мгновени-

³² Командир отделения.

ем.

Офицер покосился на свои многочисленные повязки с проступающими пятнами крови. Правая штанина была разрезана почти до пояса. Бронежилета и куртки не было. Вероятно, сняли разведчики. Вся правая нога и правая рука были замотаны бинтами почти полностью. Живот и пах были тоже перевязаны. Особо обильно кровоточили ступня, голень, бедро и бок. На голове тоже была повязка с проступающим свежим пятном крови.

– Рыжего позовите, – пошевелился командир и, застонав от боли, потерял сознание.

После артналета обстрел разведгруппы душманами прекратился. Вероятно, враги затаились или ушли, так как поразить подготовленный укрепрайон и тем более огневые точки, укрытые в горах без точной пристрелки на огромной площади нереально.

Командир разведгруппы очнулся в следующий раз, когда его разведчики несли на носилках к дороге. Там в колонне боевых машин, прибывшей из полка, находилась санитарная летучка. Солнце уже склонилось над горизонтом. Скосив глаза, раненый увидел танк с тралом, прокладывающий безопасный путь к машинам разведвзвода. По-видимому, подбитый БТР собирались эвакуировать, а второй самостоятельно не мог выбраться из низины, куда залетел в пылу боя.

Три «Гвоздики»³³ обстреливали склоны ближайших гор.

³³ Самоходная артиллерийская установка. Калибр 122 мм.

Туда же строчили из КПВТ прибывшие БТРы. В горы углубляться советские подразделения не собирались, так как приближалась ночь. Направлять пехоту в неизвестную неразведанную местность рискованно и к тому же опасались заминированных подходов к укрепрайону душманов. Скорее всего этот район теперь будут обстреливать «Гиацинтами»³⁴, батарея которых располагалась рядом с расположением и под прикрытием полка. Возможно, уже завтра вызовут и обработают склоны гор «вертушками»³⁵, а потом направят в этот район части афганской армии под прикрытием нашей артиллерии и авиации. Мотострелковые подразделения Советской Армии в горы не пошлют. Перед выводом войск требовали беречь своих и за потери спрашивали очень строго. Это не исключало наградного дождя, который просыплется на офицеров штаба полка и батальона за этот бой. Обязательно впоследствии наградят погибшего и раненых.

О других фактических участниках боя снисходительно «забудут» из-за отсутствия командира и некому будет ходатайствовать, пробивать и писать наградные на отличившихся в бою разведчиков.

Произойдет так, как всегда в армии – будут искать виновных, назначат и накажут невиновных, упрекнут участвующих и наградят непричастных.

³⁴ Крупнокалиберная дальнобойная пушка. Калибр 152 мм.

³⁵ Вертолеты.

Глава 1. Госпитали. 1988-1989.

Размышления.

Госпитали. Сосредоточение боли, надежд, разочарований, утрат, веры и проверки каждого на прочность. Для многих – поворотный момент, разделивший жизнь на «до» и «после». Некоторые по молодости или наивных надежд еще не понимали, что прежняя жизнь для них закончилась навсегда. Безногий инвалид или спинальник с отнявшимися ногами будет с тоской вспоминать госпитальные палаты, где он находил помощь, понимание окружающих и заботу. Выйдя за стены госпиталя, молодой человек быстро поймет, что прежнего круга друзей, детских забав и подростковых забот, привычного образа жизни он лишился навсегда. Двадцатилетний парень, ничего не видевший в жизни кроме своего двора, города, в котором родился и вырос и знойных песков или гор Афганистана останется нужным только родным. Привычным окружением инвалида станут стены квартиры, а окном в мир – телевизор. Выход на улицу станет неразрешимой проблемой и даже полученная инвалидная коляска проблемы с подвижностью не решит. Те же лестницы, ступени крыльца, бордюрный камень и многое другое останутся непреодолимыми препятствиями. И никаких перспектив

в будущем....

Не удивительно, что многие «афганцы» от тоски и безысходности спиваются, подсаживаются на наркоту или кончают с собой.

А за стенами квартиры бурлит жизнь, кипят страсти. Наверху борются за власть и пути дальнейшего развития страны. Открываются кооперативы, создаются совместные с зарубежными предприятия. Идет первичное накопление капитала внизу, дележ государственной казны и партийной кассы наверху.

Мне пока ничего другого не остается, как вспоминать прежнюю жизнь, слушать соседей по палате, читать книги, свежую прессу, слушать радио и думать, думать ..., а размышляя – анализировать.

Смотрю с тоской на своих очередных соседей по палате и пытаюсь представить их (и свою заодно) будущую жизнь.

– Воронов на процедуры, – прервала мои размышления медсестра, распахивая двойные створки дверей и закатывая в палату кресло-каталку.

«Опять эти мучения!» – мелькнула мысль, но сдерживая мат и стоны с помощью девушки пересаживаюсь в мое новое средство передвижения. Что-то недостаточно быстро заживают мои раны, полученные в последнем бою у источника Рег. Каждое движение, причиняет боли в животе и других местах, поэтому большую часть времени стараюсь не шевелиться и лежать на спине, однако жизнедеятельность не

дает покоя и приходится садиться, чтобы принимать пищу, подниматься, чтобы пересесть в кресло для регулярных медицинских процедур или посещения туалета. Хотя ради последнего готов терпеть боль, чтобы не чувствовать унижения, когда молодая девчонка или грубые руки соседа подсовывают и убирают из-под израненного тела больничную “утку”.

В первые недели после ранений, когда операции шли одна за другой обезболивающих не жалели. Потом из-за опасений сделать из меня наркомана и привыкания, наркотики стали ограничивать или заменять менее сильными лекарствами. Порой от сильной не проходящей и изматывающей боли хотелось выть. Даже появлялась малодушная мысль покончить со своими мучениями разом и навсегда, и только характер, природное упрямство, жажда жизни или нежелание огорчать близких (маму и жену) не позволили решиться на крайний шаг.

Вернувшись в палату, уже не ложусь, чтобы вновь лишний раз не терпеть боль при укладывании или подъеме, так как скоро обед. Оглядываю четырехместную офицерскую палату Военно-медицинской академии – очередного места моего лечения. До этого были полковой медпункт, медсанбат дивизии в Шиндане и армейский госпиталь в Кабуле. Все эти медицинские учреждения помню смутно из-за изматывающей невыносимой боли или забытья от обезболивающих. Более или менее соображать начал только в окружном госпитале в

Ташкенте и в столичном в Москве. Потом, после многочисленных операций по неизвестным для меня соображениям медиков оказался в Ленинграде. Как меня заверили – здесь опытный медицинский персонал и на ноги поставят быстро.

«Какие на хрен ноги?» – мысленно возмущаюсь. После неоднократного хирургического вмешательства из оговорок врачей понял, что стоял вопрос об ампутации моей развороченной ступни. Это было еще в Московском госпитале. После моего перевода в ВМА попросил хирурга спасти ступню. Молодой мужчина со злыми глазами сердито оборвал меня:

– Благодарю своего бога, что остальные части тела на месте. У других и этого нет! Как решу, так и будет.

Понимаю, что профессиональная черствость медику необходима, и ему некогда вникать в душевные переживания каждого больного или раненого. Но это моя нога! Как мне дальше жить и служить с протезом? Хотя со службой, похоже, закончено. Пятку все же отрезали. Что-то там было слишком сильно повреждено.

Среди соседей по палате велись всякие разговоры о дальнейшей службе. Передавали слухи, что после ампутации конечностей или других тяжелых ранений после обращения к Министру Обороны некоторых офицеров оставляли на службе в Вооруженных Силах в штабах или в военкоматах. Допускаю, что чудеса случаются, если за чудом стоит влиятельный покровитель или покалеченный представлен к высокой награде – Звезде Героя или ордену Ленина. Во втором

случае подобное хорошо работает на репутацию Министерства Обороны и государства в целом, а куда девать тысячи покалеченных в неофициальной войне? Эту непопулярную в народе войну до сих пор стыдливо называют – оказание интернациональной помощи дружественному народу Афганистана.

Все знают о «вьетнамском синдроме». Теперь в прессе упоминается «афганский синдром. Тысячи интернационалистов возвращаются в гражданскую среду и пытаются встроиться в обычную жизнь, однако Афганистан у каждого, побывавшего «за речкой», оставил свой след в душе, и не все могут принять многогранность мирной жизни. Отсюда несдержанность, пьянство, наркотики и преступность среди «афганцев». Привычные для обычных людей – черствость, равнодушие, обман, предательство, интриги, обиды, оскорбления, оброненные мимоходом, бывают неприемлемы для тех, кто видел и привык к другим отношениям. Повышенное чувство справедливости может вызвать неадекватную реакцию у опаленного войной и желание ответить на обиду, оскорбление радикальным способом или уйти от проблем в пьяное или наркотическое забытие.

Когда болезненные страдания и ощущения у меня уменьшились, стал задумываться о своей дальнейшей судьбе и жизни с полученными ранениями.

Мои и чужие раны.

Последнее, что помню из того последнего моего боя – это взрыв и удар под зад, а дальше темнота. Потом приходил в сознание несколько раз. Хохол тогда успел сообщить, что наш БТР подорвался на mine.

«Куда делся шлемофон с головы?» – неожиданно заинтересовался. Вероятно, сорвало гарнитурой, когда порхал в полете безвольной тушкой и воткнулся пустой головкой в афганский песочек с камушками.

Вновь и вновь прокручиваю в голове детали, предшествующие бою. «Что-то меня беспокоило тогда!» – вспоминаю. Первое, что меня насторожило – поведение местного населения у первого кишлака. Обычно, когда проезжали местные кишлаки, то бачата, по-детски непосредственные, бежали к машинам и, протягивая смуглые ручонки с наркотиками, кричали: «Чарс, чарс³⁶!» Взрослые обычно просто настороженно смотрели.

В тот раз все бросились прятаться. Вероятно, местные жители знали про засаду или базу душманов и предполагали, что будет бой. Тогда я этого не сообразил и не придумал значения, но что-то почувствовав, заставил бойцов надеть каски и бронежилеты и сам обрядился, только мне мало это помог-

³⁶ Наркотик на основе конопли индийской. В Союзе известен под названием «план» или гашиш.

ло, да и другим пострадавшим тоже. Взрывом меня скинуло с брони и, ударившись о землю, рассек голову и сломал лучевую кость правой руки. Потом, вероятно, близкий разрыв мины нашпиговал меня с правой стороны осколками.

«Все ли я сделал? Правильно ли действовал, как командир?» – мучаюсь мысленно. «Буквально за несколько секунд до обстрела я почувствовал внезапную тревогу», – вспоминаю. Что это? Шестое или седьмое чувство? Ангел за спиной или бог на моей стороне?

«Как командир, я поступил правильно!» – пришел к выводу. Руководил подчиненными и управлял подразделением в бою до последнего момента и, похоже, спас не одну молодую жизнь. Если бы приказал разворачивать БТРы, то потерял бы время и подставил подразделение. Еще хуже было бы, если продолжили движение или приказал пятиться. Кто заминировал обочины и прилегающую местность, уже не выяснить.

На десятом году войны территория Афганистана настолько нашпигована минами, что никто не знает – где безопасно ходить или ездить. Сколько знаю о случаях подрывов в период службы или слышал, пока валяюсь по госпиталям!

В одной из боевых операций в провинции Гильменд мой полк потерял больше десятка единиц техники и несколько человек личного состава ранеными и контуженными при передвижении вдоль одноименной реки вне дорог. За эти потери командира части отстранили от командования операцией.

В Ташкентском госпитале услышал историю. Для обеспечения безопасного прохождения колонны на господствующую высоту направили четырех человек с крупнокалиберным пулеметом НСВ «Утес»³⁷. При выдвижении к позиции произошел подрыв. Один солдат погиб и двое были ранены, один из которых ослеп.

Чьи это были минные поля? Кто минировал никому не нужную местность?

Перед выходом в рейд на незнакомую территорию я всегда наносил на свою карту минную обстановку в предстоящем районе боевых действий. Если предстояло действовать в зоне ответственности заставы, то уточнял у ее начальника опасные территории, хотя по опыту давно понял, что полковые сведения не соответствуют действительности. Там, где должны стоять мины, уже можно было безопасно ходить и ездить, так как духи разминировали или прошли многочисленные стада пасущихся баранов и коз, но на ранее безопасной местности могли оказаться минные поля.

При подготовке к этому боевому выходу тоже сверял карты, и никаких минных полей по полковым данным вдоль нашего маршрута не было.

Вот с многочисленными осколочными ранениями и их последствиями медики усиленно возятся, по сей день, а я страдаю от боли. Гипс на правую руку наложили еще в Шиндан-

³⁷ Крупнокалиберный пулемет Никитина-Соколова-Волкова «Утес» на станке. Калибр 12.7 мм.

де. Через сутки в Кабуле зашили голову. К тому времени, как мне сказали – края раны распухли и разошлись, обнажив череп. Женщина-хирург умело стянула края раны и искусно зашила, а уже в Ташкенте снимали швы. Остался только узкий шрам от затылка до лба. Сейчас под отросшими волосами не видно, а только прощупывается и иногда чешется. «Когда облысею, то буду хвастаться видимой боевой раной перед внуками», – шучу про себя.

Очень меня беспокоило отсутствие пятки для будущей жизни, хотя врачи уверяли, что потом приспособлюсь – буду ходить и даже бегать без заметной хромоты, но сам сомневаюсь – уж слишком рана болит и жутко выглядит без повязок.

Другая болезненная рана находится ниже пояса. Осколок вошел в правый бок ниже печени и что-то натворил в животе. Слишком сильные боли чувствую ниже пупка. Сначала опасался, что перестал быть мужчиной из-за долгого отсутствия эрекции, но, когда однажды утром почувствовал «стояк» – радости не было предела. Теперь опасаясь за репродуктивную функцию, вызывая насмешки врачей. Меня заверили, что половые органы не пострадали и даже мочевого пузыря не задет. Попросил принести соответствующую литературу, чтобы убедиться самому, однако сомнения остались – мало ли кто и что говорит и пишет.

Другие многочисленные раны уже зажили после извлечения осколков или вот-вот заживут. Касательное ранение голени с повреждением кости вроде уже не беспокоит, и скоро

повязку снимут. «Да! Сильно мне шкурку попортили многочисленные осколки! На пляже теперь не раздеться, не вызвав интереса окружающих и в интимной обстановке придется раздеваться в темноте, чтобы не напугать партнершу!» – сокрушаюсь полусхутя мысленно. От жены шрамы уже не скроешь, и она должна привыкнуть и смириться.

После контузии или сотрясения мозга, остался звон в левом ухе. «Странно! Взрывы, по-видимому, были с правой стороны и больше пострадать от ударной волны должно по логике правое ухо, а звенит в левом!» – удивляюсь. Теперь стал хуже слышать в каком-то диапазоне. На фоне звуков радио или постороннего шума иногда приходится переспрашивать собеседника, так как некоторые слова не разбираю. Врачи отмахиваются и заверяют, что слух восстановится.

«Посмотрим», – скептически размышляю. Госпитали переполнены. Идет непрерывный поток раненых и работа врачей похожа на конвейер, однако стараются лечить качественно и не долеченных не выписывают.

В Кабульском госпитале, в период просветления по дороге в операционную на очередную операцию с каталки увидел через открытую дверь в одной из палат необычную картину. Посреди палаты стояла кровать, а на подушке лежало грубое бревно с темно-коричневой корой, частично прикрытое одеялом. «Что за дурацкий армейский юмор?» – подумал тогда. Зачем приносить и укладывать в больничную постель полено? Потом мне объяснили, что это был обожжен-

ный солдатик. «Как такому впоследствии жить, если выживет?» – ужаснулся. – «А другим – без рук, ног, зрения...?»»

Еще в полку произвольно начал анализировать потери, а в госпиталях лишь убедился в правильности сделанного вывода. Лишь около десяти процентов потерь ограниченный контингент Советских войск несет от прямого воздействия противника, а остальные – от глупости, случайности, несоблюдения мер безопасности, «дружественного огня», несогласованных действий командиров всех степеней и обычного разгильдяйства. Только в период моей службы в полку было ранено, контужено, покалечено и убито более трех десятков солдат и офицеров, а таких, как я с моими подчиненными, пострадавшими в ходе боя – минимальная часть.

Вспомнилось несколько случаев небоевых потерь.

Расположились как-то солдаты вблизи расположения полка на песочке вокруг костра, чтобы разогреть оставшийся после боевого выхода сухой паек и не догадывались, что под костром в песке зарыты боеприпасы. Какой-то разгильдяй потерял или выкинул, а другой солдат при уборке территории не поднял (лень было наклониться), а присыпал песком. В результате произошел подрыв – один проголодавшийся был ранен, комиссован и поехал домой без первичных половых признаков.

Сколько было случаев, когда от страха часовые ночью расстреливали проверяющих и свою смену?

В другой раз часовой на посту от скуки присел и стал дер-

гать затвором автомата, выщелкивая боевые патроны из магазина, а затем, не проверив есть ли патрон в патроннике, нажал на спусковой крючок. В результате была прострелена голова и в Союз отправился очередной «груз 200».

При десантировании с боевой машины зачастую ударяют прикладом оружия об землю. Если по недосмотру или забывчивости оружие не стояло на предохранителе, то от удара затвор взводит курок и досылает патрон в патронник. Оружие готово к стрельбе, осталось нажать даже случайно на спусковой крючок и натворить бед среди окружающих сослуживцев.

Сам со своими разведчиками дважды попадал под «дружественный огонь». Один раз от полковой заставы, хотя командир подразделения был заранее предупрежден о том, что мы будем действовать в районе зоны ответственности заставы. В другой раз наша разведгруппа был обстреляна «Градами» другой части. Тогда впервые на себе почувствовал, как сворачиваются кишки и пригибает к земле от рева пролетающих над головой реактивных снарядов, а в это время я с разведчиками вытаскивал из-под обстрела противника брошенные «духами» «эресы».

В Ташкентском госпитале оказался в одной палате с веселым жизнерадостным прапорщиком-армянином. У того была вполне мирная, хотя и военная профессия – начальник столовой. Он рассказал, как получил многочисленные ранения и изуродованное лицо. Его часть была на боевом выхо-

де. Разведчики притащили результаты своего рейда – «итальянки»³⁸ и сложили в палатке, использующуюся под офицерскую столовую.

Так они там лежали несколько дней, пока после одного из завтраков начальник инженерной службы части не заинтересовался одной из них. Ребра этой мины были соединены алюминиевой проволочкой. Прапорщик, накормив офицеров, умывался возле палатки, где остался «опытный» сапер. Что он там делал, уже рассказать некому. Прогредел взрыв и от палатки со столами, стульями, майора, умывальника – не осталось ничего, только израненное тело начальника столовой, отброшенное взрывом, корчилось на земле. Потом на прилегающих склонах пытались собрать останки офицера, но не набралось даже на цинк от патронов. По-видимому, сапер попытался разобрать мину, а проволочка указывала, что этого делать не стоит.

Командир саперного взвода моего полка лишился кисти и нескольких пальцев другой руки, когда своим подчиненным пытался показать принцип работы вражеского необычного взрывного устройства.

В период крупной войсковой операции в провинции Гильменд, когда наш полк стоял напротив крупнейшего кишлака, неожиданно для нашего командования через наши позиции на вражескую территорию двинулся разведывательный батальон десантно-штурмовой бригады с неизвестной целью. Мы

³⁸ Противотанковые мины в пластиковом корпусе.

стояли на этом месте уже несколько дней и вели активную перестрелку с противником и артиллерией подавляли выявленные огневые точки. Гражданское население, толпами покидающее кишлак с другой стороны не обстреливали и эвакуации не препятствовали.

После предыдущих потерь на минных полях личному составу полка запрещалось покидать укрытия и появляться на открытом пространстве без средств защиты – бронежилета и каски, а тут чужое подразделение, солдаты и офицеры которого, открыто расположившись на броне сверху без злополучных «броников» и касок, смело двинулось на враждебную территорию. На головном БТРе понтуясь, восседал их командир в белой афганской бурке с округлыми плечами.

Удалившись от наших позиций метров на пятьсот-семьсот, разведбат приблизился к сети многочисленных кяризов³⁹. Оттуда их стали активно обстреливать духи и прямо на наших глазах завязался бой. В дыму и пыли мелькали фигурки наших бойцов и духов. Несколько боевых машин было подбито и чадно дымили.

Все наши высыпали из укрытий и активно обсуждали увиденное в готовности немедленно идти на помощь, однако реакция нашего командования была противоположной. По радиостанции понеслись приказы немедленно убраться с открытого пространства в укрытия и угрозы наказать коман-

³⁹ Система водоснабжения и орошения. Вертикальные штольни-колодцы,ходящие до водоносного слоя и связанные между собой подземными галереями.

диров, допустивших нарушение приказа. Все негодовали, а кто-то не выдержал и выстрелил из СВД по душману. Немедленно в ту сторону помчался БТР с представителем штаба, а затем во все подразделения полка прибыли контролеры.

Хоть и неприятно, но понять логику нашего командования было можно. Если выдвинуться на помощь чужому подразделению, ведущему бой, то можно увеличить число собственных потерь и за это обязательно спросят и возможно накажут, а за бездействие даже не упрекнут – своих потерь-то нет.

У грамотного командира по поводу партизанских действий разведбата, несомненно, должны появиться вопросы. Какую задачу выполняло подразделение на враждебной территории? Почему действия подразделения не были согласованы с командованием нашей части? Ведь можно было организовать артиллерийскую поддержку и прикрытие нашей бронегруппой в случае боя. Только спрашивать за самонадеянность уже было не с кого – тот лихой командир колонны в бурке был убит. Сколько всего погибло разведчиков ДШБ⁴⁰ нам не сообщили.

Под вечер подошли другие подразделения той части, эвакуировали остатки разведбата и вытащили два подбитых БТРа. В нашем полковом медицинском взводе оказалась около десятка тяжелораненых, но на этом беды разведчиков ДШБ не закончились.

⁴⁰ Десантно-штурмовая бригада.

На следующий день за ранеными прилетели две «вертушки». Одна из них, поднимая тучи пыли села на подходящую ровную площадку и в нее загрузили раненых. При взлете вертолет лопастью чиркнул по земле и, упав, загорелся. Спасти смогли всего несколько человек. В туче пыли и дыма еще долго рвались боеприпасы и разлетались осколки с обломками.

В Московском госпитале узнал историю раненого в позвончик солдата. В карауле у него, как у старослужащего с офицером возник конфликт. «Дембель» демонстративно отказался выполнять приказ и послал на (или) в ... начальника караула. Офицер за невыполнение боевого приказа пригрозил пистолетом, а потом выстрелил в спину нарушителю дисциплины. Солдат получил тяжелое ранение и вероятную инвалидность, а офицер попал под трибунал. Мнения офицеров разделились. Многие сталкивались на начальном периоде военной службы со случаями грубого нарушения дисциплины или неповиновения подчиненных. Некоторые офицеры были на стороне коллеги и сетовали: «Надо было гасить нарушителя боевого приказа⁴¹ наповал, тогда можно было бы оправдаться». Мне была близка позиция других. Виновны обе стороны конфликта. Нельзя доводить ситуацию до крайностей. Офицер не смог правильно поставить себя с подчиненными и должен был найти другие способы разре-

⁴¹ Подразделение, несущее караульную службу, считается выполняющим боевую задачу.

шения конфликта. В крайнем случае – кулаком, а не пулей.

Подобных случаев небоевых потерь в Афганистане в период моей службы было большинство. Иногда задавался вопросом: «В Великую Отечественную войну было так же?»

Всех раненых и убитых независимо от ситуации, при которой получено ранение награждали. Солдат – медалью «За боевые заслуги», офицеров – орденом «Красная звезда». Конечно, получали награды и за действительно выдающиеся заслуги, а также штабисты с тыловиками. Секретарь партийного комитета полка щеголял с двумя «Красными звездами» и медалью «За отвагу». Случаев, когда он организовывал и умело руководил боем или совершал подвиги при выполнении боевых задач, не помню. Бумага все стерпит. Все же человек был нормальный – с советами, как руководить и командовать подразделением не лез, не гнобил других офицеров, пользуясь своей должностью и не грозил «партийной дубинкой».

У меня уже была медаль «За отвагу» и насколько знаю, представлен к другой – «За боевые заслуги». Все – за реальные боевые действия и результаты, а не за раны, подхалимство и натруженный язык. «Только что это мне дает?» – теряюсь. Выйду из госпиталя с травмами, не совместимыми с последующей военной службой и вероятной инвалидностью. Куда податься инвалиду, бывшему офицеру, не знающему жизни на гражданке, тем более в нынешнее непонятное время? Случись это еще несколько лет назад, тогда было бы все

ясно, понятно и можно планировать дальнейшую жизнь. А сегодня? Все меняется каждый месяц и невозможно предугадать, что Горбачев и его Правительство может придумать на следующей неделе.

Обстановка в стране.

Какая эйфория и надежды у народа появились с назначением Михаила Сергеевича Генеральным секретарем. Молодой, открытый, улыбчивый. Без опаски разговаривал с людьми и отвечал на самые неприятные вопросы. Во всяком случае пытался соглашаясь, что надо многое в жизни менять. Прежние кремлевские консервативные старцы всем надоели.

Первые надежды на скорые перемены к лучшему появились с приходом Андропова. Его призывы к укреплению дисциплины, многочисленные отставки высокопоставленных чиновников, зажавшихся барствующих первых секретарей областных и районных комитетов КПСС народ в большинстве своем, воспринял с пониманием.

Также поначалу приняли инициативу Горбачева по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом.

К алкоголю я был равнодушен – нет и ладно. Конечно, в офицерской среде выпивать приходилось, чтобы не выделяться в коллективе, но не злоупотреблял. «Сегодня с нами ты не пьешь, а завтра Родине изменишь!» – шутили сослуживцы и с подозрением относились к абсолютным трезвенникам. Как без алкоголя принимать различные комиссии, проверяющих и сдавать полугодовые проверки?

Затем в командировках и отпусках увидел дикие очереди

за алкоголем и драки в них. Однажды в Хабаровске встретил очередь в винный магазин длиной более ста метров. Из продажи пропал сахар, дешевый одеколон и появились спекулянты водкой. Затем стали пропадать сигареты, мыло, стиральный порошок и появились талоны. В гарнизоне в каждой второй квартире стали гнать самогон и сразу возросла роль продуктового офицерского пайка, которого вполне хватало семье на месяц, даже без учета части сахарного песка, пущенного на самогон. В армии (по крайней мере, в нашей части удаленного гарнизона Дальнего Востока) не так критически заметны были все негативные моменты жизни, связанные с дефицитом.

Тогда уже многие задумались, а так ли нужна была эта борьба с пьянством, заставляющая многих унижаться в очередях за ставшими вдруг дефицитными продуктами и товарами и стали с ностальгией вспоминать благословенные брежневские времена. Сам с улыбкой вспоминал, как с сослуживцем, таким же молодым лейтенантом завтракали в офицерской столовой после холостяцкой бурной ночи. Я – стаканом сметаны или кефира и чашкой кофе, а сослуживец – рюмкой коньяка с долькой ананаса или апельсина. Тогда в гарнизоне был большой выбор коньяка, импортных и отечественных вин разных марок, не считая водки и дешевого портвейна.

Потом появились новые термины – социализм с человеческим лицом, перестройка, ускорение, гласность, плюрализм

и многое другое, новое и непонятное. Зачитывались «Огоньком» и ранее запрещенными и недоступными произведениями, которые начали появляться в продаже.

Конечно, офицерский корпус удаленных гарнизонов находился в стороне от всех этих новшеств, но в курилках на перекурах или кухнях активно обсуждалось происходящее. В целом в армии ничего не изменилось, поэтому стали возникать идеи перестройки в армии. Многие понимали, что армия требует реформации. Недопустимо, чтобы основной задачей воинской строевой части было поддержание жизнеобеспечения и охраны. Постоянный ремонт, строительство инфраструктуры полка, обслуживание боевой техники, заготовка продуктов и прочее, что не связано с боевой подготовкой занимали все время. Еще с брежневских времен в КДВО⁴² оценка деятельности командиров частей и соединений слагалась из количества построенных новых объектов – хранилищ, казарм, заборов, дорог и поддержание их в рабочем состоянии. Не зря командующий округом генерал армии Третьяк был награжден гражданской золотой звездой Героя Социалистического Труда.

В госпитальных палатах, в которых мне довелось побывать подобные споры о будущем страны и своем не прекращались. Особенно переживали офицеры и прапорщики, которым грозило увольнение по болезни. Многих (и меня в том числе) пугала неопределенность жизни на гражданке. В ар-

⁴² Краснознаменный Дальневосточный военный округ.

мии, при всех ее недостатках было привычно и стабильно. «Ты – начальник, я – дурак! Есть, идти копать со своим подразделением отсюда и до обеда! Есть, круглое нести, квадратное катить!»»

Мои посетители.

В октябре неожиданно меня навестили сослуживцы – трое дембелей моего взвода и знакомый лейтенант разведроты. Солдаты решили ехать домой через Ленинград с целью захватить ко мне, а офицер – к своему новому месту службы в Ленинградский военный округ.

От них узнал, что мой полк вывели из Афганистана в первый этап общего вывода войск и в Туркменистане под городком Мары расформировали. До осени происходила передача оружия, боеготовой техники и имущества вновь формируемой воинской части под тем же номером. Офицеров направили в военные округа, откуда они прибыли в ограниченный контингент, а осенью демобилизовали старослужащих.

С удовольствием оглядывал молодые загорелые лица своих бывших подчиненных, сверкающих белоснежными улыбками и наградами на новых «эксперименталках», выданных перед выводом войск всем военнослужащим срочной службы. Я был искренне тронут тем, что меня не забыли сослуживцы с бывшими подчиненными и проявили заботу о раненом.

Лейтенант передал более восьмисот «чеков», собранных офицерами части мне в помощь и подарок от командования полка – японские часы Orient с автоподзащитой и небьющимся стеклом, популярные в офицерской среде. (Теперь у ме-

ня стало два Ориента). От имени командования вручил медаль «От благодарного афганского народа» и удостоверение к ней. Такой медалью награждали всех участников боевых действий в Афганистане.

Ребята, с опаской косясь на соседей по палате, передали мои вещи, которые забыли или специально оставили с целью передать потом. Когда меня без сознания вертолетом отправляли в Шинданд взводный «каптерщик» собирая мой чемодан и дипломат, набил формой и прочим имуществом без всяких трофейных и памятных вещиц, способных вызвать подозрение, нездоровый интерес и претензии возможных проверяющих и любопытных.

В переданной сумке находился памятный для меня и, несомненно, дорогой трофейный афганский нож – пешкабз. Кроме него среди памятных подарков был кожаный нагрудный патронташ в виде жилета, покрытый спереди многочисленными кармашками для патронов от плеч до пояса. Привезли и памятную всем нам забавную игрушку, добытую с «зелеными» еще этими солдатами в одном из первых наших рейдов – шар с линзами. Прокручивая оптическое устройство в руках, внутри менялись объемные фотографии Мекки со священным камнем Кааба во время хаджа. Меняясь, картинка создавали иллюзию движения мусульман вокруг святыни.

Дедюлин Вячеслав (бывший гранатометчик АГС по прозвищу Дед), наклонившись ко мне и ухмыляясь, таинствен-

но сообщил шепотом:

– Командир! Если тебе надо чего-нибудь стреляющее или взрывающееся, то можем подогнать. У нас есть....

Оглядываю довольные улыбающиеся молодые лица и понимаю какой бардак творился на границе при выводе.

– Нет, ребята, мне этого не нужно, да и девать некуда, а вам советую избавиться от этого опасного груза. Удивляюсь, как вас пропустили в самолет? – шепчу в ответ.

– А мы в багаже отправили! Его не проверяют! – чуть ли не хором заявили наивные дембеля.

Я покосился на лейтенанта, старательно делающего вид, что ничего не слышит.

– Всыпать бы вам, да лень встать! – с улыбкой демонстративно негодую.

– Ладно, товарищ старший лейтенант! Если что, то вот наши адреса. Если понадобится наша помощь или игрушки, то приезжайте или напишите, – Хохол протянул тетрадный листок, сложенный вдвое. – Мы с вами теперь на всю жизнь кровью повязаны! – торжественно заявил.

Остальные кивнули с серьезным видом.

На прощание обещал написать всем, когда займею постоянный адрес.

В Московском госпитале меня навестили по разу мама и жена.

Мама у меня железная леди. Мимоходом поинтересовалась самочувствием, оглядев перемотанного бинтами сына,

рассказала немногочисленные новости о моих друзьях, знакомых и погрузилась в любимую для нее тему дачи и забот, связанных с этим хобби.

Светка больше молчала, только нервно сжимала мою руку тревожно оглядывая обстановку и соседей по палате, испуганными глазами, полными слез, вглядываясь в меня. Такой я ее еще не видел и не узнавал. Пытался как мог успокоить и обнадежить растерянную жену, но, похоже, не преуспел. Как мне показалось – она с облегчением покинула палату по истечении времени для посещения.

Потом мама дважды в Ленинградском госпитале ненадолго навещала меня. Жена больше не появлялась, оправдываясь в коротких торопливых письмах занятостью. Хотелось найти оправдание такому отношению, но все чаще появлялось убеждение, что наши семейные отношения подошли к концу.

Соседи по палате.

Хорошо, что в военном училище получил диплом инженера по эксплуатации колесных и гусеничных машин. Если мне назначат инвалидность, то вторая и тем более третья группа позволит устроиться на работу в какое-нибудь автохозяйство. Вот что делать моему соседу по палате лейтенанту Смирнову Николаю, оставшемуся без ноги? Он в своем политическом училище получил диплом учителя истории. Идти в школу учителем? Мне казалось, что он не способен завоевать авторитет среди нынешних школьников. В армии за его спиной были многолетние армейские традиции, другие офицеры и Устав. А в школе? Смотрю на молодого парнишку, у которого еще юношеский румянец на щеках, требующих бритвы раз в неделю. Вслушиваясь в наши разговоры и споры, тарашит испуганные темные глаза, не решаясь вступать в разговоры старших по званию. Он родом из Киришей и его часто навещали родители, которые, похоже, радовались, что все обошлось только потерей части ноги у сына. Опять мина, неизвестно кем поставленная. Несмотря на молодость, у Кольки возле рта уже залегли трагические складки. Как можем, стараемся его поддержать морально, а он в ответ охотно угощает всех гостинцами, которые, несмотря на трудности с продуктами, его родители регулярно поставляли в палату.

Нам всем повезло, что в нашей палате оказался подполковник Терехов Виктор Алексеевич. Сорокалетний худощавый мужчина среднего роста, закрытый от всех вопросов, связанных с его военной службой. При знакомстве невнятно назвал свою должность в оперативном отделе штаба сороковой армии. Подозреваю, что он из ГРУ⁴³. Даже звание мы узнали случайно, когда его попытались перевести в другую палату, более подходящую его статусу.

Молодой врач как-то обратился к нему:

– Товарищ подполковник, готовьтесь после обеда переселиться в двухместную палату на пятый этаж.

Мы с удивлением вытаращились на соседа, так как не ведали о его звании. Нахмурившись, Алексеевич (мы так звали его по-простому уже три последние недели) бросил мельком на нас взгляд и ответил:

– Меня здесь все устраивает и никуда переезжать не собираюсь. Больше с этим вопросом ко мне не подходите, – бросил медику, – и компания у нас здесь душевная подобралась, – добавил и, улыбнувшись, подмигнул Коле.

Мне он почему-то напоминал комиссара из «Повести о настоящем человеке», который в трудную минуту поддержал Маресьева и помог наметить тому дальнейшую цель в жизни и службе.

Терехов мучился сильнейшими болями в животе или же-

⁴³ Главное разведывательное управление Генерального Штаба Министерства Обороны.

лудке, но тщательно это скрывал и только во сне, бывало, стонал или скрипел зубами. Даже шутил:

– Ранение в живот, из-за которого я лишился части кишечника, не сравнится с ощущениями, доставляемыми моим желудком.

Несмотря на боли, он умудрялся морально и физически поддерживать нас. Даже своим отношением к собственным ранам и болям, являлся для нас примером стойкости и мужества. К Терехову часто приезжала жена и дочь и несмотря на строгую диету, он требовал от них привозить разные вкусности, запрещенные ему, но с удовольствием пожираемые нами.

Виктор Алексеевич был интереснейшим собеседником и обладателем широчайшего кругозора. Казалось, для него не было ничего неизвестного в истории, политике и экономике, поэтому я и сомневался, что он мог принадлежать к касте обычных армейских офицеров – слишком специфическими и глубокими знаниями он обладал. В то же время подполковник мог показать себя жестким командиром, а не интеллектуалом и кабинетным интеллигентом в погонах.

Когда Михаилу поступило письмо от невесты, сообщающей о разрыве отношений, то старлей очень болезненно воспринял очередной удар судьбы и погрузился в меланхолию. Стал плохо есть, спать, перестал шутить и разговаривать и большую часть времени лежал, отвернувшись к стене. Мы пытались расшевелить его, вовлечь в разговоры и отвлечь от

неприятных мыслей, но Михаил отмалчивался или отвечал односложно. Вот Терехов и взорвался:

– Товарищ старший лейтенант! Соберись. Ты не просто офицер, а в первую очередь мужчина! Тебе не пристало опускать руки и разводить нюни! Перестань себя жалеть и покажи всем – окружающим, своей бывшей и себе в первую очередь, что ты не тряпка, а мужик. Это даже хорошо, что так поступила эта девушка. Значит она не твоя или тебя не достойна. Докажи своей дальнейшей жизнью, что ты можешь быть счастливым и не забывай, что еще не выполнил своего главного предназначения в этой жизни. Защита Родины важна, но не это главное в жизни мужчины. Тебе, да и всем вам (обвел нас с Колькой взглядом) надо родить и воспитать свое потомство – сыновей или дочерей так, чтобы они тоже стали настоящими мужчинами, опорой вам в старости и патриотами своей Родины, а если понадобится и ее защитниками. Не просто родить, вырастить и воспитать, а обеспечить им счастливое детство в любящей и заботливой семье. Создать вокруг вашей семьи безопасную среду.

Видите, что сейчас в стране твориться? Наверх лезут всякие болтуны и демагоги, которые от базарных баб отличаются только яйцами в штанах, без принципов, порядочности и без веры в идеалы, ради власти и богатства готовые на все. Вот наша задача, как настоящих мужчин, офицеров и патриотов – надо встать против подобных манкуртов на защиту своей Родины и воспитать достойную смену, а если окаже-

тес на гражданке (вновь оглядел нас) – выйти за стены этого госпиталя и начать строить свою жизнь, создавать семью и менять окружающую действительность в лучшую для всех сторону, но при этом не забывать об офицерской чести и порядочности. Помните неустаревающий девиз русских офицеров: «Долг – Отечеству, душа – Богу, сердце – женщине, честь – никому!»

Помолчал, глядя в пол и поднял полные боли глаза:

– Кто если не вы, ребята, встанете за нашу Родину? Сейчас все идет к разрушению и ослаблению страны, уничтожению армии – опоры государства. Неужели пропадет все, за что стояли наши отцы и деды? Пропадет Россия?

У меня затвердело в груди и сжались кулаки от этой безысходности и душевной боли не старого еще человека. «Многие знания – многие печали!» – мелькнула мысль. По-видимому, Терехову было многое известно о происходящем в стране, недоступному простому обывателю и рядовому офицеру, раз он на трех калек возлагает надежды. Но может мы не просто инвалиды? Мы видели войну и сами пострадали в ней, выполняя приказ Родины. Пусть у нас покалечены тела, но есть голова на плечах, свой взгляд на многие вещи, воспитаны в духе патриотизма, способны повести за собой других и объединить единомышленников в единый отряд, а таких как мы, тысячи по всей стране.

Прав Терехов. Все больше критики со страниц газет и журналов сыплется на армию и офицеров. Мешают в ку-

чу непопулярную войну в Афганистане, отвратительный быт в солдатских казармах, дедовщину и преступность, низкий профессиональный уровень военных. Высказываются против необоснованно большой численности армии, военно-промышленного комплекса и излишне раздутого бюджета на оборону. Конечно, есть часть правды в этой критике, но какая цель подобных нападок? «Ни мира, ни войны, а армию распустить?» У нас исчезли враги и против нас перестали бороться всеми доступными способами?

Горбачев уже всем надоел своими многословными монологами и пустословием, за которыми нет ничего конструктивного. Мотается по свету с женой и своим приспешником Министром иностранных дел Шеварднадзе и пытается со всеми подружиться. Пусть он не целуется взасос, как Брежнев, но очень старается стать для всех хорошим парнем, забывая об интересах страны. Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной популярны везде, кроме населения собственной страны.

Таких правителей, олицетворяющих мою страну, защищать не хочется. С каждым месяцем в стране судя по всему становится все хуже. К чему мы идем? Неужели СССР развалиться? Где-то на периферии сознания возникает ответ – «ДА!»

Третий глаз.

Однажды неожиданно проснулся от ощущения счастья. Мне приснился необычно реальный сон. Я стою на балконе мансарды бревенчатого дома. Утренний ветерок шевелит волосы на голове и ветви яблонь небольшого сада передо мной. Доносятся различные запахи разнотравья и воды. Где-то мычит корова, заливаются птицы, лает собака и протарахтела машина. Внизу раскинулся садовый участок с плодово-ягодными деревьями и кустарниками. На открытом пространстве – ряды зеленых грядок. Справа – сараи, в конце двора белет свежей обшивкой просторная баня. Тропинка через весь участок ведет на берег просторного озера или реки к небольшому причалу с лодками. Водная рябь на солнце сверкает и переливается в солнечных лучах. Из открытой двери за спиной доносятся из глубины дома детские и женский голоса. Стою и понимаю, что это мой дом, а внизу жена собирает наших детей в школу и детский сад. Прислушиваюсь к себе и замечаю, что у меня ничего не болит, а сам ощущаю переполняющее чувство счастья. Глубоко и удовлетворенно вдыхаю утренний свежий воздух, поворачиваюсь, чтобы идти в дом и ... просыпаюсь от испуга.

Что это было? Откуда это? Судорожно оглядываю привычные стены своей палаты, койки и тумбочки соседей. Терехов опять дышит со стоном. Мишка привычно похрапы-

вает. Больничный воздух пахнет лекарствами, несвежим белым и миазмами. Хочется встать и распахнуть окно, чтобы опять почувствовать тот свежий воздух свободы и счастья. . . .

Мое пребывание в госпитале стало исчисляться уже месяцами. Большинство повязок и гипс сняли. Я начал передвигаться на костылях, держа правую ногу на весу и по утрам делать зарядку, стараясь не напрягать пресс, так как врачам, да и самому не нравилось ранение брюшной полости.

Через несколько месяцев после поступления в ВМА возникло воспаление и непроходимость кишечника, появились спайки. Опять потребовалось хирургическое вмешательство. Также плохо заживала пятка, и врачи вновь делали операции и реампутации.

После снятия гипса оказалось, что рука потеряла былую подвижность. Даже ложку первое время не мог держать, не говоря уже об игре на гитаре. (Баловался прежде). По совету врача начал многочасовые ежедневные тренировки с эспандером и шариками. Кроме этого молодой невролог посоветовал заниматься со стаканом. Оказалось, вроде бы простое движение – охватить кистью стакан и поднести ко рту требует немислимых усилий, задействования многих групп мышц и связок. Стакан также включил в состав своего спортивного инвентаря.

Терехов с одобрением смотрел на мои упорные потуги. Колю после выписки родители забрали домой с отечественным протезом. Он даже прослезился при прощании.

Убыл молодой парень домой с надеждой на новую жизнь и импортный протез.

Михаил после того памятного разговора понемногу ожил, начал разговаривать и шутить, только при мужских разговорах про баб замыкался в себе и хмурился. Ему требовалась серьезная операция на позвоночнике, но в СССР таких операций не делали или не делали простым офицерам и приходилось ходить в корсете, испытывая боли.

На место Коли положили танкиста с переломанными ногами, который попал под собственный танк. Веселый и пробивной парень Егор отшучивался и не признался – как он оказался под боевой машиной, наверное, стыдился за свою травму, среди офицеров, получивших свои раны в Афганистане. Сорвался, когда мехвод танка без команды рванул с места или свалился с брони в движении, а механик-водитель не успел затормозить? У меня самого подобное было, но я успевал спрыгнуть с боевой машины вбок. Теперь уже ему стали подсовывать утку.

А вообще осточертели эти академические стены и собственная малоподвижность. Иногда появлялась мысль, что уже никогда не выйду на улицу на своих ногах и настроение это не поднимало. Все чаще появлялось раздражение, хотя успевал взять себя в руки и не сорваться на соседях или медицинском персонале.

В последнее время обратил внимание на изменения своего характера. Я стал более сдержанным. Раньше мог неужи-

данно взорваться и резко ответить на несправедливое замечание, грубость или дать в морду наглецу. Сколько раз потом корил себя за несдержанность и настраивался в следующий раз в подобной ситуации сначала сосчитать про себя до десяти, а потом действовать, но стоило ситуации повториться – опять отвечал на грубость грубостью или пускал в ход кулаки. Теперь этого нет и в помине. Может помудрел, заглянув по ту сторону жизни? Резко повзрослел, наглядевшись в госпиталях на беды, боль, горе и трагедии молодых ребят или что-то перевернулось в душе с пониманием хрупкости и краткости человеческой жизни и переоценкой жизненных ценностей?

Теперь этот сон. «Может этот сон вещий?» – закралась мысль. Удивительно, но как бывает со многими снами, этот не забылся. Могу вспомнить до мелочей ту красочную картинку деревенского утра, звуки и запахи. «Я ли был в том сне?» – появилось сомнение. Нет, я! Убежден. Помню, как пытался почувствовать привычную боль в пятке, животе и ничего не ощутил, но и пятки вроде не было. Голос жены! «Это был голос не моей жены, не Светки, но тогда во сне я был уверен в том, что это моя любимая супруга!» – неожиданно вспомнилось. «Откуда этот сон? Из будущего? Из другой жизни, где я тоже без пятки? Как это узнать?» – теряюсь в догадках. «Не понимаю, зато теперь есть цель, к чему буду стремиться!» – прихожу к выводу.

Несколько дней это событие не выходило из головы. Ста-

ли припоминаясь другие случаи предвидения. Взять мои ощущения опасности перед последним боем. Какое-то чувство заставило приказать бойцам надеть бронежилеты и каски после первого кишлака с говорящим названием Бедам. Правда, тогда могло сработать подсознание на необычное поведение местных жителей, но второй раз почувствовал опасность незадолго до обстрела. Тогда уже не было никаких предпосылок. Вспомнились и другие многочисленные случаи ощущения опасности или угрозы не только на войне. Даже что-то сжималось в животе. Были и предчувствия радости или неожиданных событий. Что это, как не предвидение? «Как бы проверить? Что является спусковым крючком запуска этого механизма?» – задался вопросом.

Надо внимательней относиться к собственным чувствам и ощущениям и анализировать их. Поспрашивать осторожно знающих людей и почитать соответствующую литературу. Сейчас много всякого бреда пишут, но может, найдется рациональное зерно, ценное для меня!

Более близкого умного и знающего собеседника, который выслушает и не поднимет на смех, кроме Терехова Виктора Алексеевича у меня рядом не было. Выбрав момент, поделился с ним своими сомнениями и рассказал про «вещий» сон. Внимательно окинув меня взглядом (в своем ли я уме?), он задумчиво начал:

– Слышал и читал о необычных экстрасенсорных возможностях некоторых людей. Ты и сам мог слышать про индий-

ских йогов, шаманов северных и сибирских народностей, славянских ведунов и ведуний. Современные ученые активно изучают это явление, но насколько знаю, пока нет устойчивых положительных подтверждений, но нет и уверенного опровержения. К тому же много мошенников и псевдоученых крутятся вокруг этой темы, пытаясь прославиться. Помолчав и собравшись с мыслями, продолжил:

– Что касается самого механизма запуска предвидения, то некоторые шаманы используют особые средства, чтобы погружаться в особое состояние. Например, принимают галлюциногенные грибы, дышат наркотическими дымами, используют ритмичную музыку, удары в бубен и танцы для погружения в особое состояние – транс.

Йоги применяют особые методики дыхания и медитации и объясняют это явление наличием третьего глаза, имеющимся якобы у человека, объясняя, что этим органом можно увидеть то, что недоступно увидеть обычным зрением и люди, обладающие этой способностью способны заглянуть в будущее или в прошлое.

Ученые считают, что погрузиться в состояние, способствующее предвидению можно при помощи наркотиков, алкоголя и даже голода. Бывает предвидение приходит к человеку, который долгое время напряженно размышляет над проблемой.

Американцы изучают это явление, применяя галлюциногены на добровольцах. Слышал про ЛСД? – неожиданно

спросил, лукаво улыбнувшись.

Неуверенно кивнул головой, так как когда-то читал какие-то фантастические книги, где упоминался этот наркотик. «Неужели он считает меня скрытым наркоманом?» – озадачился при виде его улыбки.

– А ты много думаешь о своем будущем? – теперь уже он пытливо вглядывается в меня.

– Конечно! – уверенно подтверждаю. – Ведь придется окунуться в непонятную обстановку гражданской жизни после привычной армейской и на одной ноге, – поясняю, стукнув костылем.

– Что будет с нашей страной? – неожиданно спрашивает, пристально глядя мне в глаза.

– СССР развалится, – также неожиданно даже для себя отвечаю, не задумываясь, – через год-два, – добавляю, удивленно прислушиваясь к себе.

«Вот это да! Получилось? Почему? Как это произошло? Ведь я полностью уверен, что так будет и в этот срок», – панически скачут мысли. Погрузившись в себя, не замечаю осунувшееся лицо своего собеседника.

– Ладно, Андрей, иди. Мне надо отдохнуть и подумать, – тихим голосом предложил Виктор Алексеевич. – Потом позову и еще спрошу кое, о чем.

Доковыляв до своей койки, ложусь, отвернувшись к стене, и начинаю размышлять, анализировать и прислушиваться к себе: «Как это получилось? Неужели я действительно могу

предсказывать будущее? Почему это произошло со мной? Может, повлияла контузия, удар головой о землю, когда воткнулся своей бестолковкой в афганский песок или сотрясение головного мозга, полученное от удара?» – гоняю в голове мысли. «Смогу ли сейчас я предсказать будущее своих соседей?» – движется мысль дальше.

Поворачиваюсь лицом к Мишке, лежащему с книжкой на своей кровати. Ничего! Хотя почему-то уверен, что ему будет трудно со своим характером в жизни, но в целом все будет хорошо.

Перевожу взгляд на Терехова. Тот лежит, уставившись взглядом в потолок. «Вот с ним будет плохо», – неожиданно ощущаю. Здоровье совсем надорвал на службе и долго не проживет, но об этом нетрудно догадаться, так как уже давно соседствуем и о всех болячках друг друга знаем, как о своих.

Мне неожиданно становится страшно. Как мне жить дальше с такими способностями если они есть? Перевожу взгляд на танкиста. Он лежа пишет, по-видимому, письмо. Вглядываюсь в его макушку и понимаю, что ничего про него сказать не могу. «Ну, слава богу! Не про всех могу предсказывать, да и неизвестно, верны ли мои ощущения!» – успокаивающе откидываюсь на подушку. «Иначе знание будущего – это не дар, а проклятие».

Как бы проверить истинность предвидения? Какие ближайшие события ожидаются? Копаюсь в своей голове и ничего не чувствую, зато накатывает дрема и я с удовольствием

засыпаю.

Почитав все, что смог достать и поразмыслив, пришел к выводу: «Как бы эта способность не называлась – «Третий глаз», проскопия или седьмое чувство, мне это, несомненно, пригодится в будущем».

Глава 2. Утраты.

Другие удары судьбы.

В госпитале заметно ухудшилось снабжение продуктами питания и медикаментами. Некоторые медицинские средства (обезболивающие, бинты, лейкопластыри и другие мелочи) приходилось покупать в аптеке или доставать через знакомых или родственников.

Как-то отправился в академическую аптеку. В отделении закончился новокаин и медперсонал начал разбавлять инъекции водой, а это слишком болезненно для моего измученного тела. (Люблю его, заразу и жалею!) Набрал попутных заказов от соседей по палате, и поскакал на привычных уже костылях на первый этаж.

Забирая сверток с медикаментами у симпатичной аптекарши, пошутил с намеком:

– Могу рассчитаться горячим поцелуем.

– Можно и поцелуем, но деньги вперед! – улыбнулась девчонка, понимающая шутки.

– Воронов! Андрей! – прервал многообещающий завязавшийся разговор женский возглас из-за спины.

Неловко развернувшись на костылях, вижу медсестру моего отделения. Девушка, помявшись, выпалила:

– Тебя замполит госпиталя вызывает.

Чувствую нарастающую тревогу и, кивнув головой, торопливо рассчитался с продавщицей за покупки.

Политработник с погонами майора и черными петлицами артиллериста встретил меня сочувственным взглядом.

– Присядьте, Андрей Викторович, – предложил и отвел взгляд.

«Что произошло?» – теряюсь в догадках и отгоняю непрошенные черные мысли и предчувствия.

Знаю, что замполиту госпиталя приходилось выполнять важную работу, не свойственную обычным политработникам строевых частей. Те отвечали за морально-политическое состояние личного состава и политико-воспитательную работу. Что это такое и с чем едят, наверное, не знали сами. Оценка их деятельности производилась по красочному оформлению наглядной агитации Ленинских комнат и добросовестному ведению документации с отчетами. Считалось, что войсковые замполиты отвечают за воздух, который сотрясают. Единственное полезное дело, которое возлагалось на них – быть ответственными⁴⁴ по подразделению по очереди с другими офицерами и прапорщиками и ходить в наряды по части.

Замполит госпиталя на своей должности занимался ре-

⁴⁴ Неофициальное дежурство по подразделению, части. Ответственный офицер от подъема до отбоя следит за соблюдением распорядка дня и дисциплины личным составом в отсутствие других офицеров.

альным делом. Поддерживал морально упавших духом, пробивал финансовую и материальную помощь нуждающимся. Систематически обходил палаты, беседовал с больными, выясняя их проблемы и записывал просьбы. Переписывался с различными инстанциями, отстаивая интересы раненых и больных.

Смотрю на майора, гадая: «Что ему от меня нужно?»

– Андрей! От соседки Вашей мамы поступила не заверенная телеграмма....

Помолчал и участливым голосом тихо продолжил:

– Ваша мама скончалась.

От полученного сообщения перехватило дыхание, все мысли сразу исчезли и усилился звон в ушах.

– Мужайтесь, Андрей. Примите наши соболезнования, – слышу сочувственный голос майора, как бы издалека.

В глазах потемнело: «Мама! Мама! Как же так?» Ты никогда не жаловалась на здоровье сама и не признавала за болезни головную боль, ангину и простудные заболевания за серьезные причины, требующие амбулаторного лечения и освобождения от работы или учебы. Даже мои ранения не восприняла всерьез – главное жив, голова, руки, ноги на месте и ладно! «Я плачущей ее не видел», – вдруг вспомнилось, хотя отец как-то признавался, что слышал от ее коллег по работе – она плакала, когда я в детстве попал в больницу с сотрясением головного мозга. Помню ее, еле сдерживающую слезы от боли, когда у нее что-то воспалилось по жен-

ской части, но мне родители причину не сообщали. Когда в раннем детстве прибежал домой с разбитой камнем головой со слезами, то она встретила меня со словами: «Чтобы тебя, сволочь, совсем убили! Нечего плакать, сам виноват! Нечего свою голову подставлять!» Я почему-то понимал тогда, что эти слова от любви и испуга за неразумное дитя.

– У вас есть родные рядом? – отвлек от воспоминаний голос замполита.

Отрицательно мотаю головой. У отца осталось много родственников в нашей области, но они родственники отца. Папа умер от рака несколько лет назад. Долго мучился от боли и сидел на обезболивающих лекарствах, потом лежал, не вставая и маме пришлось долго за ним ухаживать. Он умер, когда я служил на Дальнем Востоке. Смутно помню, как друзья, сослуживцы и посторонние люди приняли участие и поддержали меня в беде. В части быстро оформили документы на отпуск. Потом с другом судорожно собирали мои вещи и бежали километр из гарнизона к трассе, по которой ходили рейсовые автобусы. Друг, по-видимому, сообщил водителю о моей беде и тот в Уссурийске достал билет и помог мне сесть на ближайший автобус, следующий во Владивосток. Еле успел тогда на похороны.

У мамы были какие-то родственники в Ярославле, Иванове и Москве. Она переписывалась и обменивалась открытками с ними, но я никогда их не видел и не знал.

– Маму есть, кому похоронить? – вновь поинтересовался

майор.

Пожимаю плечами, и до меня доходит подоплека вопроса. Поднимаю взгляд на замполита. «А я?» – вопросительно гляжу на него.

– Я говорил с врачами. Тебе нельзя прерывать лечение и покидать госпиталь, – сообщает и смотрит исподлобья на меня. – Я тебе сочувствую, но не забывай – ты офицер и находишься в воинской части. Мне хочется тебе помочь. Мы можем дать телеграммы в твой город военному комиссару и в ближайшую воинскую часть, чтобы они приняли участие в организации похорон матери раненого офицера. У вас есть в городе воинские части? – спрашивает с сочувствием в голосе.

Отрицательно мотаю головой и, проглотив комок в горле глухо сообщаю:

– Сам поеду.

– Понимаю тебя, но пойми и ты – это будет считаться самовольной отлучкой с соответствующими последствиями, но даже не это главное. Ты можешь навредить своему здоровью, только пошел на поправку, а тут дальняя поездка. А если чего случится? У тебя же еще швы не сняты после последней операции! Так? – показывает знание моего состояния здоровья.

– Мне все равно! Я должен попрощаться с мамой! – упрямо возражаю и поднимаюсь, опираясь на костыли. – Разрешите идти?

Выйдя из кабинета политработника, направился к начальнику своего хирургического отделения. Там повторился почти такой же разговор, только с упором на неблагоприятные последствия для результатов лечения. Георгий Николаевич пытался отговорить меня от необдуманного поступка и предупреждал, что их работа может пойти насмарку.

Вернулся в палату. Молча передал сверток с заказанными медикаментами и сел на кровать, опустив голову. «Что же мне делать?» – задумался. Форму из кладовки, скорее всего не выдадут. Деньги при себе есть, но мало, так как основная сумма тоже хранится в чемодане. Мама работала на заводе много лет и знаю, что в таких случаях профсоюзный или заводской комитеты организуют похороны их работника. Выделяют транспорт, людей, закупают венки, роют могилу и с честью провожают усопшего в последний путь. Но я все равно должен присутствовать! Это же единственный мой родной человек.

Неожиданно чувствую, как рядом на мою кровать кто-то присел. Терехов!

– Чего решил? – спросил с сочувствием в голосе. – Прими наши соболезнования. Нам уже сообщили, – ответил на мой невысказанный вопрос.

– Надо ехать, но не знаю, во что одеться, – хриплю и оглядываю свою больничную пижаму.

– Держись, – тронул меня за плечо. – Я сейчас вернусь, – поднялся и вышел из палаты.

С надеждой смотрю ему вслед на закрывшуюся дверь. Обвожу взглядом соседей по палате и натываюсь на сочувственные взгляды.

– Андрюха! За деньги не переживай! Дам сколько есть, – заверил Михаил. – Я тебя ..., мы все тебя понимаем. Не дай бог, чтобы у меня подобное случилось! – запнувшись, признался, посмотрев на танкиста.

– Андрей! Я могу достать спортивный костюм и кроссовки с курткой..., ...ну и деньгами помочь конечно, если понадобится, – подал голос Егор.

– Спасибо ребята, – глотаю очередной комок в горле и опускаю голову.

Я искренне тронут сочувствием и желанием помочь соседям по палате, но главное – зачем ушел Терехов и с чем вернется?

Минут через сорок появился Виктор Алексеевич и кивнул мне с невозмутимым лицом:

– Иди в процедурную. Там тебя осмотрит твой врач, и сделают перевязку, потом получай свои вещи и готовься к выезду. Сколько до твоего города надо ехать на автомобиле?

Подсказываю в удивлении, забыв о больной ноге и шиплю от боли.

– Около одной тысячи километров, а что? – морщась, нащупываю костыли глядя на волшебника.

Тот кивнул и пояснил:

– Через пару часов тебя с медбратом будет ждать машина.

Поедете на ней, а теперь поспеши....

Некоторое время не могу прийти в себя от сообщения, а потом кидаюсь к двери кивая на ходу:

– Спасибо, Виктор Алексеевич!

«Какими возможностями обладает подполковник Терехов, если так, мимоходом способен решить, казалось бы, неразрешимые проблемы?» – мысленно удивляюсь.

В процедурной, недовольный врач осмотрел все мои незажившие раны. Я его понимал. Юрий Михайлович, несмотря на молодость, являлся хорошим профессионалом. Никогда не видел его улыбающимся и тем более смеющимся. Слишком ответственно он относился к своему делу. Я бы тоже был недоволен, если к моим рекомендациям или результатам труда относились легкомысленно или игнорировали. Вероятно, смерть близкого родственника не являлась для него уважительной причиной, и он бы ни за что меня не отпустил, если бы не приказ вышестоящего начальства.

«С кем говорил Виктор Алексеевич?» – опять удивляюсь.

Мне сменили повязки и проинструктировали, как вести себя в случае проблем с ранами в поездке. «Будто сам не понимаю, что ногу следует беречь, тяжести не поднимать, меньше двигаться и прочее...», – мысленно возмущаюсь, но терпеливо молчу, так как нее хочу расстраивать всех этих людей.

Возвратился в палату со всем своим имуществом и завис над открытым чемоданом. По требованию кадровиков перед

отправкой в Афганистан мы с собой брали почти весь комплект военной формы, включая сапоги. А сапоги у меня по-армейски стильные индивидуального пошива, как в Роте Почетного караула с гладкими и твердыми голенищами. Зачем они мне теперь? Что мне надеть на похороны? В офицерской форме на костылях...?

Мои сомнения разрешил все тот же Терехов:

– На похоронах ты должен быть в военной форме со всеми наградами, чтобы окружающие видели, что мать родила и воспитала достойного сына! Давай примеряй, а мы оценим.

– Капитанскую звездочку надо прикрепить, – намечаю, глядя на свои старые погоны старшего лейтенанта. – Может обойтись наградными колодками? Все-таки это повседневная форма! – в сомнении поворачиваюсь к заинтересованным соседям.

О присвоении капитанского звания по сроку мне объявили еще прошлым летом. Моя должность в Афганистане – начальник разведки батальона соответствовала капитанскому званию. После визита сослуживцев мне вручили орден «Красная звезда» с медалями «За боевые заслуги» и юбилейную «70 лет Вооруженных Сил СССР». С имеющимися – «От благодарного афганского народа» и «За отвагу» набирался достойный «иконостас».

– Ничего. Никто в нюансы вникать не будет, а достойно выглядеть на людях, как боевой офицер ты должен. Давай спарывай колодки со старыми погонами, пришивай но-

вые капитанские и крепи награды. Миша помоги ему, – распорядился Виктор Алексеевич. – Не стой! Времени уже почти не осталось – скоро машина уже подойдет. Собирайся. Ехать лучше в спортивном костюме. Форму пусть отгладит сестра-хозяйка и повезешь отдельно. Переоденешься перед мероприятиями и, если придется ходить по учреждениям, – продолжил планировать мои действия опытный офицер.

Я чувствовал туман в голове и мешанину от мыслей, поэтому растерянно отдал инициативу Терехову.

– Мы тут собрали вам кое-что в дорогу и в помощь тебе, – положил на мою тумбочку пакет и сверху положил тонкую пачку купюр.

– Денег не надо, у меня есть! – возразил.

– Не дури. Деньги и продукты всегда пригодятся в дальней дороге. Неизвестно, как у вас там с продуктами, а тебе троих содержать надо и на бензин тратить. К тому же -поминки ведь будешь организовывать? Останутся деньги – хорошо, привезешь назад, – логично пояснил он.

Брюки не застегивались на поясе. За время службы в Афганистане я скинул с привычных шестидесяти семи килограммов веса, килограммов пять-семь из-за жары и постоянных физических нагрузок. Как-то примерил эту форму и ужаснулся. Китель висел, как на вешалке, а брюкам требовался ремень или подтяжки. В госпиталях снова поднабрал вес, даже превысив свою норму и к тому же на животе – наложены плотные повязки.

Терехов и тут решил проблему. Принес свои подтяжки и порекомендовал не застегивать верхние две пуговицы на брюках. (Все равно под кителем не видно!)

Через час с небольшим вышли за территорию ВМА к машине. Нас ожидала новенькая синяя «шестерка» с молодым коротко стриженным парнем за рулем. Рядом топтался нескладный очкарик с двумя сумками. Познакомились. Водителя звали Вадим, а медбрат назвался Олегом.

Терехов на прощание напомнил, протягивая забытое мною Удостоверение личности офицера:

– Едешь неофициально. Для всех ты находишься на излечении после ранения, поэтому старайся не попадать в комендатуру.

– У нас только военкомат и комендатуры нет, – успокоил его.

– Ну, давайте ребята! С богом! – напутствовал он.

Обнявшись со ставшими родными соседями по палате, загрузил свой кейс в багажник, повесил свою выглаженную форму в салоне и разместился с костылями на заднем сиденье «Жигулей».

Махнув провожающим, тронулись в путь. В машине познакомился с попутчиками ближе. Вадим оказался компанейским парнем. Тоже офицер. Закончил два года назад Киевское ВОКУ⁴⁵, а в настоящее время командовал взводом

⁴⁵ Высшее общевоинское командное училище. Готовило офицеров для разведподразделений и военных переводчиков.

в воинской части под Ленинградом. Его командир сегодня предложил ему прокатиться в мой город на личной машине.

– Мне не трудно, тем более мою «ласточку» (хлопнул по рулю) надо обкатать. Купил недавно, – улыбаясь, сообщил.

«Новая машина! В народе «Жигули» называют ведром с гайками. Стоило ли рисковать, отправляясь в дальний путь, не выявив и не избавившись от «детских» болезней?» – размышляю скептически. «Если машина встанет в дороге надолго, то доберусь «автостопом». Главное из госпиталя вырвался!» – успокаиваю себя.

Успеть бы взглянуть в последний раз на родное лицо! Достал в очередной раз телеграмму и вчитался в текст на телеграфной ленте, наклеенной на бланк:

«АНДРЕЙ ПРИЕЗЖАЙ ТВОЯ МАМА УМЕРЛА ТЕТЯ МАША СОСЕДКА»

Телеграмма даже не срочная, когда похороны не указано. Что произошло?

Воспоминания. Семья.

Выехав за пределы Ленинграда, заправили полный бак и уточнили дальнейший маршрут по атласу автомобильных дорог. Вадим оказался уверенным водителем. За пределами населенных пунктов на хорошем шоссе держал скорость сто и выше. Машина вела себя нормально и с легкостью глотала километр за километром. Некоторое время пытался участвовать в разговорах соседей, но шум автомобиля не позволял расслышать все слова, а переспрашивать стеснялся и замолчал. Мысленно обратился в свое прошлое.

Родился и вырос я в рабочей семье. Отец с мамой работали на крупном машиностроительном заводе и проживали в поселке на окраине небольшого провинциального городка, являющимся районным центром в глухой провинции. Мама имела высшее образование и работала в конструкторском бюро, а отец со среднетехническим – мастером кузнечно-прессового цеха. Можно сказать – моя семья относилась к рабочей интеллигенции.

Жили мы в бараке, где из всех благ цивилизации было центральное отопление и газ, да и тот провели сравнительно недавно, а остальные «удобства» находились на улице в пятидесяти метрах от нашего подъезда. Население поселка жило также, а некоторые даже хуже – с печным отоплением и без газа. С детства, как и все подростки поселка был приучен

заниматься ежедневным многоборьем – дрова, вода, помои. Иногда добавлялась еще одна дисциплина – керосин.

Нас постоянно окружало все связанное с заводом – заводские ясли, заводской детский сад, заводские клуб, спортзал, стадион, библиотека.... Вокруг поселка располагались другие многочисленные промышленные предприятия, поэтому места наших игр и времяпровождения находились на территории этих объектов, а также в клубе, спортзале и на стадионе.

Поселковое население развлечениями не было избаловано. Повсеместная выпивка в свободное время и выходные дни, спортивные состязания на стадионе, хоккейном корте или в спортзале. Кино, танцы для молодежи в клубе и редкие концерты своих или приезжих артистов. Техника для тех, кто имел мотоциклы и мопеды. Дача – как для моих родителей. Рыбалка на многочисленных водоемах и охота. В сезон – сбор грибов и ягод в окрестных лесах.

Заводские мужики после рабочего дня заполняли несколько пивнушек или, закупив спиртное, рассеивались по сараям, паркам и пустырям. Как-то ради интереса с друзьями в день выдачи зарплаты или аванса пытались подсчитать группы выпивающих мужиков только в районе стадиона и сбились после пятидесяти.

Заводские спортивные сооружения были лучшими в городе, а команды – сильнейшими не только в городе, но и славилась по области. Спорт и культ силы у подростков города был

популярен. Среди моих друзей и одноклассников слабаков не было. Все подтягивались на перекладине не менее десяти раз. В армии удивлялся – откуда столько среди призывников «дохляков», не способных сделать этого хоть один раз?

Другой жизни мы с друзьями не видели, правда школьная жизнь была разнообразнее, так как проводились различные мероприятия. Иногда школьников возили на экскурсии, в цирк, зоопарк в областной центр или в Москву. Занимались спортом и участвовали во многих спортивных соревнованиях за сборные школы или завода. Я посещал несколько спортивных секций и кружки в Доме пионеров. Беря пример с взрослых – тайком покуривали, а став постарше – выпивали. Ровесников, проживающих в городе или в других городах, воспринимали как живущих на другой планете иной, более интересной и насыщенной жизнью. Конечно, завидовали, недолюбливали и при случае били.

Одним из популярных развлечений молодежи были драки – двор на двор, улица на улицу, поселок на поселок. Наиболее крупные драки происходили на танцах в городе и тогда могли драться район на район или поселковая молодежь против группировки городского района.

Из-за подобных забав я в первом классе, подравшись с соседом по бараку, заработал сотрясение головного мозга, которое так расстроило тогда маму. Потом в начальных классах пришлось много раз защищать свою честь и барак, когда против наших домов ополчился весь поселок. В четвер-

том классе получил камнем в голову. Травмы, синяки и ушибы, полученные «в боях», нас не пугали и не останавливали. Бараковской компанией смело ходили по поселку, с вызовом посматривая на окружающих и распевая задорную частушку:

Он-на, он-на! Жареные раки!

Если хочешь пиз...юлей,

Приходи в бараки!

Зачастую старшие ребята натравливали нас подростков на чужаков для проверки и закалки нашего духа или для завязки драки и мы, двенадцатилетние пацаны шли и начинали драку с более сильными взрослыми противниками.

Нашим родителям не хватало времени заниматься воспитанием детей, и мы большую часть времени были предоставлены самим себе. Я прошел все учреждения, полагающиеся детям – ясли, детский сад, школу с группами продленного дня и летние пионерские лагеря.

Когда мне было лет пять, нашей семье, как и многим на заводе выделили участок земли в организованном садовом товариществе и у мамы проснулась страсть к садоводству и огородничеству. Папа построил на участке дачный домик. Родители купили мотоцикл «Восход» и все свободное время после работы и на выходные пропадали там. Зачастую и мне приходилось принимать участие в дачных работах, хотя ко-

выряться в земле мне не нравилось. Откуда у мамы, потомственной горожанки появилась такая любовь к земле? Папа, родом из деревни не имел такой тяги к садоводству, а я – тем более.

Мама в нашей семье была главкомом. Вела хозяйство, заведовала семейным бюджетом, решала, что покупать, одевать, на что копить деньги и так далее. Отец смиренно подчинялся ее приказам, а я зачастую взбрыкивал, так как не нравилось, когда за меня решали, не любил сидеть дома и работать с родителями на даче. Интереснее было проводить время с друзьями, поэтому до девятого класса учился преимущественно на тройки. Вероятно, этим расстраивал родителей, но так училось большинство моих друзей.

В городе была популярна тюремная и блатная романтика, так как многие из нашего окружения отсидели срок на зонах или ходили с условными наказаниями. Я тоже с замиранием сердца слушал тюремные и зонавские рассказы, пел со всеми и сольно блатные песни. Даже завел блокнотик, куда записывал тексты многих песен тюремного шансона.

Север, север – канал беломорский,

Север, север – сплошные снега.

Как же хочется нам, малолеткам,

Чтобы мама нас вновь родила...

.....

Я помню тот Ванинский порт

*И борт парохода угрюмый,
Когда мы входили на борт,
В холодные мрачные трюмы...*

У меня обнаружился неплохой слух и голос, но уроки пения и концертные выступления в школе игнорировал. В моей компании к участию в школьных мероприятиях, кроме спортивных относились отрицательно. В седьмом классе нашел гитару, которая совсем не держала строй, но для ребят, девчонок и себя летними вечерами и ночами играл и пел.

Кроме этого, благодаря маме приобрел тягу к чтению. Когда был маленьким, она читала мне вслух детские книжки. Став старше, стал сам ходить в библиотеки и читал запоем, даже ночью под одеялом при свете фонарика или в бараковском коридоре. Однажды на десятилетие родители мне подарили «Книгу будущих командиров» и на долгие годы эта тонкая книжица с картинками стала моей любимой. Даже став старше иногда доставал ее, рассматривал картинки и мечтал о будущей военной службе. Конечно, своим друзьям не признавался в своем увлечении и не делился мечтами.

Любил читать книги о войне, пограничниках, летчиках, геологах и конечно о сыщиках. Завидовал героям Джека Лондона, Фенимора Купера, Марка Твена, Стивенсона и других писателей, пишущих в приключенческом жанре. Был записан во все библиотеки поселка и города. Зачастую читальный зал Детской городской библиотеки покидал послед-

ним.

В жизни старался походить на героев любимых книг и соблюдать воровские понятия, популярные в нашей молодежной среде, схожие с книжными. В школе среди сверстников и даже старшеклассников пользовался авторитетом за счет силы, смелости, умению драться, независимому поведению, порядочности и чувству справедливости. В общественной жизни класса и школы участия не принимал, так как это считалось «западло» в нашем кругу поселковой шпаны.

Окончил восемь классов преимущественно на тройки с репутацией хулигана у школьной администрации и когда стали комплектовать один девятый класс из наших трех восьмых, то меня в списках не оказалось. Меня вполне удовлетворяло идти со своими друзьями учиться в городское ПТУ, но мама возмутилась. Она единственная мечтала о сыне с высшим образованием. Не смирившись с решением школьной администрации, ходила, просила и ругалась за меня. Не ожидал от нее такой настойчивости, но благодаря маминой активности попал в девятый класс.

Тогда впервые задумался о своем будущем и исполнении своей детской мечты о военной службе. Понимая, что с таким отношением к учебе и поведением мне не светит поступление в военное училище, поэтому стал добросовестно учить уроки и делать домашние занятия. Пытаясь заполнить пробелы в знаниях, заново самостоятельно проходил программы седьмого и восьмого классов по математике, физике

и химии. Иногда ложился спать в три часа ночи.

К маминой радости отошел от своей бывшей компании. Теперь у меня появились другие интересы и новые друзья. Неожиданно, глядя со стороны на своих бывших друзей понял, что меня ждало в будущем – зона или алкоголизм. Уже сейчас многие ходили с условным наказанием, курили, воровали и все чаще прикладывались к бутылке. Наоборот стал завидовать старшим ребятам, которые смогли после школы поступить в военные училища и приезжали в отпуски в красивой строгой военной форме.

Несмотря на мое старание, многие учителя не верили такой быстрой метаморфозе бывшего троечника и двоечника и по инерции с трудом выводили четверки и пятерки в дневнике. Только мама, классная руководительница и директор школы восприняли изменения со мной, как должное. Теперь среди моих приоритетов была учеба и спорт.

Неожиданно в нашем заводском спортзале появился лейтенант милиции. Александр Шамраев окончил высшую школу милиции и по распределению попал в уголовный розыск нашего городского отдела милиции. Ему предоставили комнату в одном из заводских мужских общежитий поселка. Александр серьезно увлекался борьбой самбо и был кандидатом в мастера спорта. Чтобы не потерять навыки, умения и для поддержания физической формы он среди поселковых подростков организовал секцию самбо. Я тоже записался и увлекся этой мужской борьбой, наплевав на свое преж-

нее отношение к милиции. По понятиям своих прежних друзей было «западло» общаться с сотрудниками органов. Александр для многих из нас стал кумиром. Физически сильный, немногословный, сдержанный он терпеливо показывал нам движения, падения, приемы и заставлял отрабатывать их до автоматизма.

Шамраев разительно отличался от других городских милиционеров, которые выглядели зачастую неопрятно и вели себя нагло по-хамски среди простых рабочих, но опасались влезать в драки молодежи, если численное преимущество было не на их стороне. Даже не стеснялись появляться в общественных местах в нетрезвом виде. Много слухов ходило о нечистоплотности милиционеров постовой службы, медвытрезвителя и гаишников.

Александр не рассказывал нам о своей службе, но на его примере поняли, что бывают другие сотрудники милиции. Когда ему приходилось дежурить на городских танцах, то все отъявленные хулиганы смирнели и драк не случалось. Это произошло после того, как он скрутил здорового пьяного парня, развязавшего уже несколько драк. Шамраев поначалу пытался успокоить словами дебошира, но тот, чувствуя свою силу и безнаказанность, попытался оттолкнуть милиционера, который был ниже его ростом меньше весом. Александр броском через бедро швырнул парня на площадку так, что тот долго не мог вдохнуть и прийти в себя. Дружинники так и поволокли его к милицейской машине через всю танцпло-

щадку.

Мама была недовольна моим решением стать офицером. Она мечтала о том, чтобы я стал врачом, а папа был на моей стороне. Когда я поступил в Ленинградское высшее общевойсковое командное училище, то на ближайшей нашей встрече, приехав на присягу, пьяненький признался:

– Я горжусь тобой, сынок.

Даже не знаю, кого из родителей я любил больше. Папа чаще принимал мою сторону и поддерживал в спорах с мамой. С ней я часто конфликтовал и противился ее решениям и только с возрастом стал понимать правоту и верность ее оценок событий, людей и решений, но лишь в последние годы при редких встречах стал у мамы спрашивать совета и прислушиваться к ее мнению.

Когда учился на первом курсе, родителям выделили благоустроенную двухкомнатную квартиру. Испытать блага цивилизации жизни в благоустроенной квартире мне довелось только в первом зимнем курсантском отпуске. Помню трудности при сборах в заводскую баню, так как не знал где найти в своей квартире банные принадлежности и чистое белье и шарил по всем шкафам и ящикам. В этом новом доме соседей знал плохо, кроме родителей своих школьных и поселковых друзей.

Потом папа заболел и маме пришлось долгое время за ним ухаживать, а я находился за восемь тысяч километров и ничем помочь не мог. После смерти отца переживал за остав-

шуюся одной маму и когда в полк пришла разрядка, а один из офицеров отказался от предложения кадровика поехать в Афганистан, то вызвался добровольцем, несмотря на плохое предчувствие. «Опять третий глаз? А я не прислушался», – промелькнула мысль. Меня считали перспективным офицером и не хотели отпускать, однако я настоял. Считалось, что после выполнения интернационального долга офицер мог выбирать военный округ для дальнейшей службы и я рассчитывал через пару лет после службы в Афганистане перебраться в европейскую часть страны поближе к единственному оставшемуся родному человеку.

После смерти папы мама сдружилась с соседкой по подъезду тетей Машей, так как у них оказалось много общего. Обе вдовы работали на одном заводе, имели сыновей – офицеров и дачные участки в заводском садовом товариществе. Тетя Маша проживала ниже этажом в трехкомнатной квартире. Я с ней познакомился в последнем отпуске перед отъездом в Афганистан. Ее сын закончил Ярославское зенитно-ракетное училище и служил на Севере под Мурманском. Его раньше не знал, так как он учился в другой школе, был младше меня на два года и проживал с родителями в другом районе города.

Был удивлен, когда узнал, что подруги могли коротать вечера под бутылочку самодельной настойки из самогона, который искусно производила тетя Маша. Мама раньше всегда была категоричной противницей спиртного. Не употребляла

сама и ограничивала папу.

«Что меня ждет по приезду?» – гадаю.

Похороны.

Вадим без устали гнал машину и останавливался лишь несколько раз, чтобы отлить, перекурить Олегу и перекусить. Основную часть пути мы проделали ночью и смотреть на красоты средней полосы России было нечего. Я не смог зазнуть со своими мыслями и воспоминаниями, а лишь погружался иногда в какое-то забытие. Предлагал Вадиму остановиться и подремать хоть полчаса, так как знал, что краткий сон хорошо восстанавливает силы и прогоняет дремоту, а ночью ехать долгое время утомительно из-за однообразия дороги и яркого света фар встречного или попутного транспорта. Однако наш водитель лишь улыбнулся:

– Доставлю тебя и завалюсь спать.

Прибыли к подъезду родительской пятиэтажки в десятом часу утра. Последние километры до города я совсем извелся, но всему приходит конец и вот я дома! Достали из багажника свой багаж и направились в подъезд. У Вадима тоже оказался внушительный сверток. На лавочке возле подъезда сидели несколько незнакомых старух.

– Кто это? Кто это?

– Слава богу, сын приехал!

– Это который?

– На костылях, поранетый в Афганистане. Офицер.

– Вальке не свезло. Недавно мужа схоронила, теперь сына

на войне покалечило, вот сердечко и не выдержало, – услышал за спиной, поднимаясь по лестнице.

Дверь в нашу квартиру оказалась распахнутой, а внутри находились несколько женщин в черных платках. Зеркало в прихожей было занавешено простыней. Среди присутствующих заметил тетю Машу и тещу.

Соседка, увидев меня всплеснула руками, устремила на встречу и, заплакав обняла.

– Слава богу, успел, – выдохнула. – А я так переживала. Вот и ушла от нас твоя мамка! Ну, иди, попрощайся, – отстранилась и перекрестила.

Неловко перенося ногу, двинулся к гробу, который стоял на столе посреди большой комнаты.

– Здравствуй, Андрюша! – по пути меня обняла теща и коснулась сухими губами щеки. – Держись и прими наши соболезнования! – услышал уже за спиной.

Мама лежала в гробу, обитом красной материей, строго поджав губы и без привычных очков. Всматриваюсь в постаревшее и ставшим вдруг незнакомым родное лицо. В голове билась только одна мысль: «Как же так? Как же так, мама?» В ее руках, сложенных по традиции на груди, теплилась тонкая свеча, а на лбу лежала полоска бумаги из церкви. «Какая же она старенькая и маленькая!» – кольнуло в груди и к горлу подкатил комок.

– Прощайся! – услышал сбоку чью-то подсказку.

Не понимая, повернул голову. Скорее разобрал по губам,

чем услышал тетю Машу:

– Поцелуй.

Неловко наклонился над гробом и коснулся губами бумаги на лбу. Выпрямился, не отрывая взгляда от покойницы и прохрипел:

– Как это произошло?

Ко мне приблизилась элегантно одетая интеллигентная женщина в очках с прозрачной черной косынкой на голове:

– Кровоизлияние в мозг. На вашей даче это случилось, вероятно, вечером. Спихватились на следующий день, когда она не появилась на работе. Квартира была закрыта. Мария (кивнула на вытирающую слезы соседку и мамину подругу) поехала на дачу и там ее обнаружила. Сообщила нам в профком. Мы уже организовали транспорт, отвезли в морг, купили гроб, а потом привезли уже сюда. Сегодня, в час дня намечен вынос тела. Мы все организовали. Вывесили на главной проходной объявление, в газетах – «Городская жизнь» и заводской малотиражке тоже. Валентина Ивановна была старейшим работником завода и ее многие знали. Документы на похороны у меня. Могилу ребята уже копают. От завода выделили грузовик и автобус. К выносу придут, привезут коллег по работе и знакомых, а после рабочего дня люди еще подойдут на поминки.

Помолчав, представилась:

– Меня зовут Анастасия Александровна. Я от профкома занимаюсь похоронами Вашей мамы. Держитесь, Андрей!

Примите наше соболезнования. Валентина Ивановна была достойным человеком, хорошим, надежным работником и пользовалась заслуженным авторитетом в коллективе. Нам всем очень жаль, что так произошло.

Коснулась моей руки и отошла. Ко мне стали подходить другие женщины, что-то говорить, сочувствовать, но я их уже не слышал.

«Мама! Когда случилась беда, рядом с тобой никого не оказалось! Никто сразу не спохватился, хотя наверняка тебя можно было спасти, вмешайся врачи вовремя, а ты лежала всю ночь одна на своих любимых грядах», – мысленно сокрушаюсь. В глазах было сухо, но в горле вновь появился комок и болезненно тянуло вниз живота.

Мама никогда не жалела себя на даче. Начинала ездить туда, когда еще не сошел снег. Почти ежедневно проводила на даче все свое свободное время после работы и в выходные, а когда папа умер и возить ее стало некому, то уезжала к своему любимому саду на одном из первых автобусов и возвращалась на последнем. Хвасталась: «Я редис, зеленый лук, клубнику и огурцы раньше всех начинаю собирать! Многие не верят», – и смеялась довольная.

– Андрюша! Пойдем, дорогой ко мне, попьем чаю и поговорим. Отдохнешь с друзьями хоть немного с дороги. Вы голодные небось, вот и покормлю. Вон сколько добирались! – рядом послышался сочувственный голос тети Маши.

Еще раз взглянул в родное лицо и кивнул головой. Стоять

на одной ноге, хоть с опорой на костыли было утомительно. Развернулся, чтобы идти с тетей Машей, но меня вновь перехватила профсоюзная активистка:

– Андрей! Вы на машине? Надо бы съездить в Горторг и привезти для поминок водку с продуктами.

Разыскиваю глазами своих ребят и увидел только Олега у дверей с нашим багажом и свертком Вадима. Заметил, что парень чувствует себя неловко среди незнакомых людей и от безрадостной обстановки.

– Настька! – возмутилась соседка, – Дай ребятам отдохнуть хоть немного с дороги и перекусить. Неужели на заводе машины не нашлось?

– Да вызвали «Волгу» куда-то, – оправдалась Анастасия Александровна.

Кивнул вопросительно Олегу. Тот без слов понял вопрос:

– Вадим ушел спать в машину и просил разбудить, если понадобится. Вот он передал продукты для похорон, – протянул громоздкий сверток женщинам.

– Вот видишь! – с чувством собственной правоты заявила соседка активистке.

– Через полчаса машина будет в Вашем распоряжении, – обрадовал Анастасию Александровну, соображая: «Сначала надо решить все дела, а отоспимся потом!»

У себя на кухне тетя Маша пока Олег отмывался с дороги в ванной, вполголоса сообщила мне:

– Я, когда наводила у вас в квартире порядок, нашла у

Вали в кровати кошелек с семистами с лишним рублей и на всякий случай прибрала вместе со всеми документами из вашего серванта. Тебе сейчас отдать или потом заберешь?

– Потом, – отмахнулся вспоминая, что мама бережливо относилась к деньгам и часто хранила кошелек в своей постели.

«На маминой сберкнижке тоже должны быть какие-то деньги», – предположил. Мама как-то признавалась, что ей на жизнь одной денег хватает с продажи излишков дачного урожая. «Когда по закону получу доступ к унаследованным сбережениям, то надо будет срочно перевести все мамини и свои деньги в доллары, пока рубль дорогой и не обесценился!» – появилась неожиданная мысль. «Опять третий глаз?» – предположил удивленно.

Вспомнилось – когда пошли полноценные урожаи с дачи, мама впервые вышла в выходной день на городской рынок торговать излишками. Вернулась оттуда испуганная и смущенная. Испугали ее пьяные мужики, которые стали притеняться к ее товару, а заодно оказывать знаки внимания симпатичной женщине. Чтобы отделаться от них ей пришлось отдать часть овощей и фруктов бесплатно, а смутили ее коллеги по работе, которые увидели инженера-конструктора, торгующую овощами на рынке. Отец категорически отказался стоять с ней рядом, и я был против ее затеи с торговлей, однако она упорно продолжила сбывать продукты на рынке, привыкла и торговля вошла в ее обыденную жизнь.

Никогда не понимал причин этой дачной страсти. Сначала бороться за урожай, а потом – с урожаем. Пытался выяснить причины этого фанатичного увлечения, но получил какой-то невнятный ответ. Наверное, так же страстный охотник, рыбак или филателист не сможет логично объяснить причины своей увлеченности.

– Может, выпьешь? Легче станет, – предложила тетя Маша, участливо заглядывая в лицо. – И я выпью с тобой за помин души хорошего человека, – добавила, разливая светло-коричневую жидкость по рюмкам. – Настояно на орешках, – объяснила необычный цвет самогона.

– Царствие ей небесное! – подняла свою емкость. – Крепкая! – предупредила.

Сомневаюсь, что спиртное облегчит горечь утраты, но кивнул. Выцедил рюмку самогона и почувствовал лишь горечь во рту и жар в пищеводе.

– Спасибо вам, тетя Маша, за помощь и участие. Покормите, пожалуйста Олега, – кивнул на появившегося из ванной медбрата, – а я кушать не хочу, нет аппетита. Пойду, пожалуй, побреюсь, – пощупал подборок, – и надо бы переодеться в форму, – посмотрел со значением на напарника.

– Заодно повязки осмотрим, укол сделаю и таблетки надо бы принять те, что врач прописал, – добавил тот и отправился из квартиры за формой.

– Хорошо, хорошо! Делайте все, что вам нужно, – забормотала хозяйка, вытирая слезы и направилась к плите.

После туалетных процедур уединились с Олегом в другой комнате.

– Чего-нибудь беспокоит? – поинтересовался медик, раскладывая на столе медицинские принадлежности.

– В животе тянет и дергает, – признался.

– Снимай штаны и повернись. Сейчас должно полегчать, – пробормотал он, выпуская воздух из шприца.

С трудом стягиваю спортивки. Самая болезненная процедура, так как приходится глубоко наклоняться, чтобы освободить больную ногу из правой штанины. Также и с одеванием. Олегу пришлось помогать мне. Бинты держались хорошо и перевязку решили сделать вечером.

Прозвенел дверной звонок и в нашу дверь постучали, когда мы натягивали на меня форменные брюки.

– Ребята к вам можно? – поинтересовалась тетя Маша и вошла в комнату. – Там вас О господи! – воскликнула, прервавшись.

Испугалась, увидев мои многочисленные шрамы, повязки и лекарства на столе.

– Эка, как тебя посекло! – удивилась и вновь приложила платок к глазам. – Гляжу на тебя горемыку и думаю о своем Пашке. Не дай бог ему попасть в Афганистан, – призналась.

– Так вывели всех уже или вот-вот выведут, – попытался успокоить простую русскую женщину и мать офицера.

– Горбачев доведет народ до крайности, и начнем друг друга резать, – спрогнозировала она. – Там к вам пришла

Настя. Ей машина нужна, – сообщила, наконец.

– Олег, сходи, пожалуйста, к Вадиму и съезди с ним. Может помощь потребуется, – предложил медбрату. – Вот, возьми деньги, – протянул пачку купюр.

Штаны не застегнул на верхние пуговицы, как советовал Терехов. Надел рубашку с галстуком, китель и вышел на кухню к хозяйке.

– Господи, красивый какой! – в очередной раз удивилась тетя Маша. – Вот мать бы порадовалась, – опять потянулась к платку.

Вернулись в нашу квартиру, где народу прибавилось. Многие приходили с цветами и, постояв у гроба, уходили.

Ко мне подошла жена. «Вероятно, теща сообщила по телефону о том, что я приехал», – предположил.

– Здравствуй Андрей. Приехал, значит. Мы опасались, что тебя не отпустят или, не сможешь, – тихо проговорила и замолчала, оглядывая меня.

– Здравствуй Света. Замечательно выглядишь, – поздоровался и признался.

Я нисколько не кривил душой. Моя жена, как всегда выглядела ослепительно. Несмотря на щедрые от природы данные, она всегда тратила много времени перед выходом на улицу. Тщательно продумывала свой внешний вид, наводила макияж, гладилась, а при необходимости мыла и сушила волосы. Даже наш брак не изменил ее привычек. Собираться с ней в гости было сущим мучением, при этом от меня посто-

янно требовалась положительная оценка каждого предмета ее туалета и если она замечала хоть тень сомнения в моем голосе, то неоднократно перепроверяла свой выбор и рассматривала другие варианты. Тем самым время нашего выхода в свет откладывалось на неопределенный срок.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась, разглядывая костыли и перемотанную ступню.

– Нормально, – пожимаю плечами и кошусь в сторону гроба.

– Извини. Мне очень жаль, что так получилось с твоей мамой. Прими мои соболезнования, – поняла, что сейчас не время для светских разговоров. – Нам надо будет поговорить, потом, – добавила и отошла к своей матери.

Снова занял место у изголовья, опять вглядываясь в родное лицо и вспоминать. Мама ничего не говорила, но я чувствовал, что Светка ей не нравилась. Ей вообще не нравилась ни одна из моих подружек. Сначала она высказывала свое мнение, а потом замолчала. Наверное, обеспокоилась, что я из-за ее критики так и останусь холостым и не подарю ей внуков. Расписались мы со Светкой в то время, когда мама находилась в санатории по профсоюзной путевке. Я даже не стал их знакомить заранее, чтобы Светка не почувствовала мамино отношение к себе.

Ко мне подходили какие-то люди, что-то говорили, сочувствовали, трогали за рукав и жали руку. Большинства я не знал, других смутно помнил, но были и хорошие знакомые.

Какая-то женщина принесла стул и предложила:

– Садитесь Андрей. Вам трудно стоять, не мучайтесь.

Через некоторое время появился Олег с Вадимом.

– Мы будем в машине, – сообщил Вадим. – Тебя не надо сопровождать до автомобиля?

– Нет, справлюсь, – мотнул головой. – Ты не голоден? Если что – тебя покормят сейчас, – ищу взглядом в толпе тетю Машу.

– Спасибо, потом поем, – отказался, – на кладбище с нами поедешь?

– Не знаю, – пожал плечами.

Подошло время выноса гроба и в комнату вошли мужчины. Пришлось встать и посторониться, освободив доступ к гробу. Тетя Маша подошла ко мне, взяла под руку и прижалась, прижимая платок к лицу. Плакала не только она. Не ожидал, что мама настолько популярна на работе и в поселке.

На улице толпилось еще больше людей. Где-то сбоку духовой оркестр заиграл похоронный марш. Кто-то вынес две табуретки, гроб вынесли и установили на них. Люди подходили, смотрели и отходили, чтобы освободить место следующим.

– Я на кладбище не поеду, – сбоку заговорила соседка. – Останусь здесь, надо лестницу помыть. Ты Андрюша держись, – пожелала на прощание и отошла.

Ее место тут же заняла Светка, а где-то сбоку и сзади дер-

жалась теща. В толпе заметил несколько знакомых лиц друзей детства и поздоровавшись кивнули друг другу.

Мужчины вновь подняли гроб с телом на длинных полотенцах и понесли к дороге. Кто-то крикнул из толпы:

– Держись командир!

Повернув голову, попытался высмотреть кричавшего, но тут уже крикнули с другой стороны:

– Афганец, держись!

Услышал другие мужские и детские голоса:

– Разве внутренние войска воюют в Афганистане?

– Наград у парня, как у иного ветерана.

– Боевой офицер.

– Разве у внутренних войск есть танки?

Понял, что народ путает мои красные петлицы с малиновыми – внутренних войск, а у разведчиков было принято крепить на петлицы эмблемы танка, а не привычную общевойсковую «капусту».

Некоторое время двигались по дороге. Первым медленно ехал грузовик с опущенными бортами и еловыми лапами в кузове. За ним двигался духовой оркестр, играя похоронный марш Шопена. Следом – двое мужчин несли крышку гроба над головами, затем шли мужчины с гробом, а за ними я со Светкой и другие провожающие.

Через некоторое время все остановились. Гроб с крышкой загрузили в грузовик и подняли борта. Оркестр сел в РАФик. Анастасия Александровна предложила желающим садиться

в автобус, а я Светку повел к машине Вадима.

Так колонной прибыли на кладбище и подъехали к вырытой могиле. Мысленно отметил: «Место неплохое, рядом с соснами, почва не сырая, но от папы далековато». Возле, толпились мужики, а в сторонке с брезентовыми ремнями на плече стоял Юрка Смирнов.

Мы друг друга знали с детства. Некоторое время он с родителями и старшей сестрой жил в соседнем бараке. Почему-то тогда ребята его звали Юрка Хуйков. Его сестру считали «слабой на передок» со школьных лет, и многие старшие ребята пользовались ею. По-видимому, Юркина мама знала об этом и часто обходила окрестности, разыскивая дочь. Потом слышал, что после школы она куда-то поступила и уехала. Удивлялся, как она не «залетела» в юном возрасте?

Юрка подошел ко мне, пожал руку и посочувствовал:

– Теперь и мать хоронишь? Прими мои ..., ну сам знаешь.

Знал бы, подхоронили к дяде Вите.

Наши отцы дружили. Даже дача Смирновых находилась недалеко от нашей, а мама всегда папе ставила в пример Юркиного отца, который, по ее мнению, был более хозяйственный и предприимчивый.

Юрка после армии окончил школу прапорщиков и какое-то время служил на соседнем с городом военном аэродроме. Потом начал спиваться из-за легкого доступа к дармовому спирту и из армии его выгнали. На гражданке парень изменился. Женился и устроился копателем могил, а теперь

числился бригадиром. Должность была денежная и все вопросы с захоронением, подхоронением решались через него. Его бригада могла выкопать могилу в любое время года, поставить памятник, ограду и прочее.

Гроб опять установили на табуреты. Начали выступать желающие, потом некоторые подходили и целовали маму. Поцеловал и я. Слез по-прежнему не было, а в голове – пустота. К тому же опять разболелся живот – по-видимому прошло действие лекарства.

Стоял и безучастно смотрел, как накрыли гроб крышкой и заколотили. Юрка с таким же мощным помощником вдвоем взяли гроб и поднесли к могиле. Оркестр опять заиграл Шопена. Могильщики ловко опустили гроб в могилу и выдернули ремни. Все стали кидать горсти земли в могилу. Кинули со Светкой тоже. Смотрел, как зарывали могилу, соорудили ровный холмик, водружали металлическое временное надгробие и гробницу. С фотографии смотрела молодая мама, слегка улыбаясь. Вся могила утопала в цветах и венках. Вот сейчас защемило сердце и только теперь окончательно осознал, что больше не увижу родного человека. Не выдержав отвернулся и, переставляя костыли, поковылял с кладбища, забыв, что планировал навестить могилу отца.

Жена.

У кладбищенских ворот меня кто-то тронул за рукав.
Олег.

– Давай машину подождем, – тихо предложил он.

Оглянулся, приходя в себя и кивнул. Заметил, что и Светка стоит рядом и с сочувствием смотрит на меня. В машине она взяла меня за руку и по дороге сообщила:

– Я на поминки не пойду. Ты, когда собираешься уезжать?

– Наверное, вечером после поминок, – предположил. –
Вадим, как машина? – интересуюсь.

– В подвеске что-то постукивать стало, но здесь станции техобслуживания нет скорее всего, так что поедem и в Ленинграде будем ремонтироваться, – ответил, чуть повернув голову.

– Нам надо поговорить, – напомнила супруга.

Киваю головой, догадываясь, о чем будет разговор. Дождавшись перекрестка с переулком, ведущим к ее дому, попросил Вадима остановить машину.

Некоторое время стоим молча напротив друг друга. Наконец, она, решившись, выпалила:

– Андрей! Нам надо развестись!

На мгновение запнулась и затараторила:

– Прости меня, если сможешь, но я встретила другого человека. Надеюсь на твое понимание. Знаю, что ты можешь

обо мне подумать, да и мама говорит...

Замолчала, поняв, что сболтнула лишнее.

– Ты должен меня понять! – воскликнула, прижав руки к груди. – Я не смогла бы... Когда я увидела тебя в таком состоянии... Все эти раненые вокруг... Калеки... Я поняла, что это выше моих сил. Мне показалось, что ты уже не поднимешься, – призналась под конец тирады тихим голосом и опустив голову.

Я молчал, так как говорить было нечего.

Она подняла голову, всматриваясь в меня.

– Ну чего ты молчишь? – повысила голос. – Считаешь меня дрянью? Ну, ударь, обзови, но не молчи!

Мне говорить ничего не хотелось, да и не знал, что ей сказать. Только что похоронил родного человека и вникать в чужие проблемы не хотелось. «Чего она от меня хочет? Сочувствия? Понимания ее тонкой натуры? Поддержки в ее решении?» – задумался.

– Чего ты от меня хочешь? – спросил прямо, желая закончить быстрее этот никчемный разговор.

– Чтобы ты согласился на развод, – обрадованно выпалила Светка и быстро заговорила: – Я все узнала. Если мы оба согласны развестись и не имеем претензий на имущество, то достаточно подать заявление в ЗАГС и нас разведут. Если хочешь, то могу вернуть все твои подарки.

Опять потупилась.

– Не надо мне от тебя таких жертв. Успокойся. Я согла-

сен, – устало сообщил.

– Правда? – недоверчиво подняла на меня большие глаза.

«А чего ты хотела? Чтобы я здесь стал устраивать сцены, заламывать руки, упал на колени и начал уговаривать тебя изменить решение, заверяя в своей любви?» – иронично подумал. Я чувствовал лишь опустошение и усиливающиеся боли в животе.

– Что мне нужно делать? – поторопил ее.

– Я все узнала, – повторилась с чуть заметным разочарованием в голосе, – если ты не сможешь со мной пойти в ЗАГС, то будет достаточно твоего заявления о согласии на развод и отсутствия имущественных претензий, – торопливо выпалила, ни разу не запнувшись на юридических терминах.

«Вероятно долго готовилась к этому разговору, обдумывая свои фразы и подбирая аргументы», – подумалось.

– Писать сейчас? – поинтересовался. – Или по почте прислать?

– Напиши сейчас. Я бумагу принесла, – расстегнула сумочку и достала обычную двухкопеечную школьную тетрадь с ручкой.

«Подготовилась!» – с неожиданным раздражением подумал, но кивнув головой, прямо на капоте машины набросал заявление, поставил дату и размашисто расписался.

– Все? – протянул ей тетрадь с ручкой.

– Прости меня Андрей за то, что так получилось, – тихо проговорила, убирая все в сумочку. – Поверь, я чувствую

себя предательницей и прости, если сможешь, – неожиданно призналась.

– А-а, – махнул рукой и полез с костылями в машину.

Светка постояла некоторое время, с сомнением глядя на автомобиль, пока Вадим заводил двигатель, а потом, опустив голову, направилась к своей маме.

«А теща-то, откуда взялась?» – удивился про себя. Ребята сочувственно взглянули на меня и отвернулись, ничего не спросив. Наверняка слышали наш разговор через открытые окна или догадались.

«Вот почему Светкина мать так на меня смотрела утром при встрече и потом в маминой квартире!» – догадался, вспомнив тещины непонятные взгляды. Она уже все знала, ведь у дочери никогда не было от нее секретов. «Но почему Светка с сомнением глядела при расставании?» – вспоминаю. Возможно сомневалась еще в правильности своего решения и выбора. Вероятно, она почувствовала ужас, увидев меня неподвижным с «уткой» под кроватью в Московском госпитале и испугалась за свою будущую жизнь с мужем-калекой, а сегодня увидела меня на ногах, хоть и с костылями и засомневалась – прогресс в излечении ведь налицо!

С будущей женой мы познакомились в ресторане. (Где еще знакомиться молодому холостому офицеру с женщинами?) Я обратил внимание на стройную веселую блондинку с короткой стрижкой, одетую в стильный брючный костюм. Заметил и ее несколько заинтересованных взглядов.

Несколько раз переглянулись, улыбнулись друг другу, потанцевали. Так и познакомились. Светка оказалась довольно бойкой на язык, за словом в карман не лезла и довольно эрудированной. Красивое лицо, обаятельная улыбка, стройная фигурка притягивала мужские взгляды.

Стали встречаться. Она оказалась довольно практичной по натуре. Подарки принимала без ложной скромности, а когда дело дошло до постели, то показала раскрепощенность и фантазию. Я был в восторге от своей новой подружки. Красивая, яркая блондинка, всегда со вкусом модно одетая, без комплексов в постели, не скорбная умом и в то же время практичная в жизненных вопросах. Казалось, у нее не было недостатков.

Когда у нас дошло до серьезных отношений, то Светка отшила всех прежних своих поклонников и о прошлом старалась не говорить и не вспоминать. С радостью шла на свидания и не скрываясь проявляла свою симпатию ко мне. С удовольствием дарил подарки – часики, колечки, цепочки или понравившиеся ей женские вещи и наслаждался, замечая радость в ее глазах при виде очередной вещицы. Тогда мог себе позволить, не задумываясь тратить деньги на свою избранницу. В период службы в удаленном районе получал достаточно много с дальневосточными надбавками, а также за классность и выслугу лет. Тогда мой месячный доход значительно превышал совместный родительский и ежемесячно откладывал от сотни рублей и выше на отпуск, а на эти

накопления с отпускными мог полтора месяца шиковать и жить на широкую ногу ни в чем себе и подруге не отказывая.

В гарнизоне того времени был не только широкий выбор вин, но и хорошее снабжение импортной и модной одеждой. Друзья могли привезти под заказ джинсы, батники и стильную обувь, поэтому в отпуске я выделялся своим внешним видом среди окружающих провинциалов.

Многие знакомые признавали нас идеальной парой. Оба красивые, высокие, стройные, модно одетые и веселые. Нам нравилось проводить время вдвоем и с друзьями. Часто шутили и смеялись, легко понимая друг друга.

При прощании по окончании моего отпуска Светка еле сдерживала слезы, а потом часто переписывались.

В следующем отпуске поженились. Расписали нас быстро, через несколько дней после подачи заявления, как военно-служащего. Еще год мы жили отдельно, пока ждал своей квартиры в гарнизоне.

Светка легко вписалась в круг моих друзей-офицеров, их жен и завела новых подруг. Только при совместной жизни у нее проявились некоторые недостатки, как жены и хозяйки. Готовила она замечательно. По ее словам – научилась у бабушки, однако зачастую приходя на обед или возвращаясь поздно вечером со службы, в доме могло не оказаться хлеба, соли и прочих мелочей. Моя молодая жена к тому же патологически не могла планировать наш семейный бюджет. На мой вопрос:

– Где деньги, «Зин»? До получки еще неделя, а в доме не копейки!

– А я плащик прикупила, ты же мне тогда разрешил. Не помнишь что-ли? Я тебе его еще не показывала. Прелестно, правда? – хлопала невинными глазами, примеряя при мне обновку.

Помнил смутно что-то, но о цене разговора не было точно. Эту проблему решил, не выкладывая ежемесячное денежное довольствие полностью.

Конечно, как и большинство мужчин я считал, что вести хозяйство и следить за расходом денежных средств должна жена и при этом я ориентировался на отношения в семье родителей.

Но главное – Светка не хотела заводить детей, пока мы живем в этом отдаленном гарнизоне, считая нашу жизнь здесь временной, а в одном серьезном разговоре призналась, что мечтает о жизни в крупном городе, нормальной работе для себя, высоком звании и должности мужа (то есть меня). Она не хотела понимать, что у меня нет «волосатой лапы», которая может способствовать продвижению по службе или переводу в более цивилизованное место, а для нее примером являлась старшая сестра, которая тоже была замужем за офицером. Те жили в областном центре, а муж сестры служил в военкомате с нормальным восьмичасовым рабочим днем, без ночных звонков, тревог, командировок, учений, лагерей на месяц и прочего.

К этому времени мама была одна, и я стал задумываться о смене военного округа, случай вскоре подвернулся и выврался кандидатом в Афганистан. В обязательный перед командировкой очередной отпуск Светка поехала со мной и наотрез отказалась возвращаться на Дальний Восток и жить одной в нашей квартире, пока я выполняю интернациональный долг. Квартиру перед отъездом сдал, а немногочисленную мебель раздал или продал.

В части получил справку о сданной квартире, а в Горисполкоме своего города -Обязательство о выделении жилья моей семье по срочной очереди. «Похоже, это Обязательство уже не понадобится!» – предположил.

Соседи.

Мои воспоминания прервала остановка у родительского дома. Предстояло еще высидеть поминки. Возле подъезда на лавочке сидели и выпивали поселковые ребята и мужики. Верховодил в компании мамин сосед по подъезду Вовка Гром. Тридцатилетний детина, весом за сто килограммов и ростом под сто девяносто был заводилой местных любителей спиртного. В брежневские времена при доступности дешевого алкоголя все свободное время проводил возле поселкового магазина, стреляя у прохожих копейки на очередную бутылку в компании таких же. Повзрослев, копейки сшибать перестал, да и вино с водкой стали в дефиците, но любви к спиртному не утратил. Всегда появлялся в местах, где можно добыть водки – на свадьбах и похоронах. Наверняка прогнал старух с их обычного наблюдательного пункта, а водку выпросили с поминок. Он ненавидел сплетниц у подъезда и, приближаясь к дому уже метров с пятидесяти начинал орать: – Если я подойду к подъезду, и хоть одна старая бл...дь еще будет сидеть, то ... (тут были варианты). Старухи в панике покидали насиженное место, и он спокойно заходил в подъезд.

Вовка поднялся мне навстречу, протягивая руку для рукопожатия:

– Андрюха! Прими мои самые искренние Ты, это

Держись. Если что, то можешь на меня всегда

– Спасибо Володя, – пожал ему руку, – Здорово, мужики! – кивнул остальным. – Поднимитесь, помянем? – мотнул головой в сторону подъезда.

– Не. Пусть уж там коллеги, знакомые и бабы поминают, да и тетя Валя меня не особо жаловала, – отказался. – Мы уж лучше здесь выпьем за хорошего человека. Не вынесешь? – поинтересовался на всякий случай.

– Какой из меня несун? – пристукнул костылем. – Пойдем со мной, скажу, вынесут, – развернулся к подъезду.

Гром пошел следом.

– Вижу, досталось тебе. Где служишь? – пробасил в спину.

– В армии, – ответил.

Не тот Вовка человек, чтобы с ним откровенничать, хотя в подлости или непорядочности замечен не был.

– Андрюха! Хотел тебе сказать Ты сегодня шел Твоя жена Я сам видел и другие говорили Она ..., – спотыкаясь на каждой фразе, попытался сообщить мне то, что уже известно.

– Не надо Володя! Я все знаю. Сам виноват. Мы уже разводимся, – пришел ему на помощь.

Он громко выдохнул с облегчением или возмущением:

– Ты? Виноват? ..., – от удивления не нашел слов. – Да мы этого кооператора на куски ..., – пригрозил.

– Не стоит. Действительно виноват. Жди, сейчас будет тебе водка, – наконец поднялся к открытой двери бывшей ма-

миной квартиры.

Прошел на кухню по пути заметив, что в большой комнате уже составлены столы, за которыми сидело много людей.

– Там соседи желают помянуть, – мотнул головой за спиной. – Вынесите им пару бутылок, если можно, – попросил хозяйничающих на кухне женщин.

– Это Громову с его алкоголиками, что ли? – услышал за спиной недовольный голос тети Маши.

– Пусть пьют. Или у нас водки недостаточно? Так сейчас съездим, – погасил недовольство.

Недовольно ворча под нос, соседка понесла на площадку две бутылки.

«Сейчас Грому достанется от несдержанной на язык женщины!» – предположил.

Шепнул тете Маше о некормленном водителе и прошел на предложенное место. Выпил глядя на мамину фотографию, стоящую рядом со стопкой водки, накрытую куском хлеба и задумался над своими словами Громову.

Кто обычно виноват в разводе? Конечно оба, а значит и я. Меня не оправдывает то, что не изучил будущую жену до свадьбы по объективным причинам. Никто не загонял в ЗАГС и не торопил со свадьбой. Купился на яркое и блестящее, вот и получил то, что заслужил. Даже если бы мама воспротивилась моему выбору, то вряд ли тогда послушал мудрую женщину.

Светка, наверное, так же ошиблась, выходя замуж за кра-

сивого, денежного, не жадного, модно одетого и мечту всех девчонок – офицера. Впереди – балы, блеск погон, гром оркестров и обеспеченная жизнь, а получила – далекий гарнизон по соседству с селом, а ближний город за сто с лишним километров по грунтовке. Благоустроенная квартира с горячей водой из титана не показатель красивой и яркой жизни, о которой мечтала девчонка. Любимый и желанный муж, которого она видела только в короткий обеденный перерыв и ночью. Деньги были, но и тех не хватало на все. Это когда-то офицеры были желанными женихами, а сейчас кооператоры больше зарабатывают. Работу в гарнизоне для женщины найти можно, но не по профессии и не то, чем хотелось заниматься. А что впереди? Другой гарнизон не отличающийся от прежнего? Сколько лет придется ждать квартиру в нормальном городе? До пенсии...?

Попрощался и поблагодарил Анастасию Александровну, поцеловав руку зардевшейся женщине за организацию похорон. Профсоюзная активистка не зря ела свой хлеб – все было организовано на должном уровне и даже моего участия не понадобилось.

Поминки продолжались еще долго. Люди приходили, выпивали, закусывали и уходили, освобождая места за столом следующим. Не выдержав, поблагодарил и попрощался с оставшимися гостями и попросил тетю Машу, как лучшую мамину подругу выйти для разговора.

Сели по-простому у нее на кухне. Она, как принято при

серьезном разговоре, выставила бутылку своей настойки.

– Спасибо вам за участие и помощь не только в похоронах, – начал я, пригубив спиртное и жестом остановил, пытающуюся возразить женщину. – Не знаю, что было бы, если не вы?

– Квартира, судя по всему, отойдет государству. Неизвестно, когда я вылечусь, что со мной и со службой будет дальше, – начал размышлять вслух. – Даже если уволюсь из армии сейчас, родительскую квартиру мне не отдадут, так как с женой развожусь, а я там не прописан.

– Я давно хотела тебе сообщить о ней. Валя сильно переживала за ее поведение, но не хотела тебе сообщать, чтобы не нервировать, – вклинилась она.

– Да не об этом я переживаю, – отмахнулся. – От родителей осталось обстановка в квартире, дача и гараж. Все это можно и нужно продать. В гараже в кессоне наверняка еще хранится часть урожая. Возьмите себе то, что вам нужно, а остальное надо продавать пока не будет поздно. Вы не займетесь этим? – перешел к главному.

– Мне ничего не надо, – тут же заявила она. – Хотя ..., – задумалась. – Ножную швейную машинку я бы забрала. Конечно, если она понадобится тебе или твоей будущей жене, то сразу отдам, – заверила.

– Это мелочи, – отмахнулся. – Гараж нигде не зарегистрирован, поэтому пусть остается. Вдруг вернусь жить в город, пригодится, только кессон от продуктов надо бы освободить,

чтобы не пропали. Можете раздать, если вам не надо. Продайте, выкиньте или раздайте всю обстановку в квартире, только внимательно проверьте все вещи. У мамы была привычка прятать деньги в разных местах и, как правило, в белье и одежде. Ценности, если попадутся, заберите на хранение или тоже продайте. Сам не знаю, что было у родителей, – продолжил инструктаж.

– Я уже кое-чего забрала вместе с документами. Сейчас принесу. Конечно, если еще что попадет, сохраню до твоего приезда, – пообещала.

– Хорошо, – кивнул. – По закону распоряжаться наследством я смогу только через полгода и если не приеду до этого времени, то тогда приступайте. Доверенность на Ваши действия выпишу сейчас, – предложил свое решение, только желательнее найти двух свидетелей.

– Может тебе жениться? Как это называется? Фиктивный брак, во! Или пока не разводиться? Хотя нет, не надо связываться с этой твоей Светой, – тоже стала размышлять вслух практичная соседка.

– Ладно, время еще есть подумать, но эта квартира вряд ли уже достанется мне и новый брак вряд ли поможет в чем, – в сомнении покачал головой. – Прошу вас поверить и воспользоваться моим советом – все деньги, которые есть у вас и даже те, которые лежат на сберкнижке перевести в доллары.

С ребятами решили заночевать и выехать рано утром. Не стоило испытывать без надобности возможности Вадима.

Только в машине по дороге в Ленинград смог, наконец, осознать, что произошло. Похоронная круговерть, посторонние люди, разговоры, не позволяли полностью погрузиться в свое горе и отвлекали. Горечь утраты не исчезала в течение всего дня, но эмоции сдерживал, так как не люблю их проявлять при посторонних. «Не помню – когда последний раз плакал? Наверное, только в детстве. А вообще, могу я плакать? Это нормально?», – неожиданно посетила мысль.

Потом заявление жены о предстоящем разводе, но это воспринял уже легче на фоне горя и вероятно подсознательно был готов к этому.

Тяжелые ранения, утрата близких людей – за что мне такие испытания? Что еще судьба может мне подкинуть? Что у меня еще осталось? Армия и друзья? А если меня уволят из армии? Одинокий инвалид на костылях кому будет нужен? Что меня ждет?

А как быть другим, покалеченным на войне без ног, глаз или полностью обездвиженным? Им и их родственникам еще хуже. Насмотрелся по госпиталям.

Пить или колоться, жалея себя не смогу. Просить милостыню или помощи у кого либо, тоже не по мне.

«Что тогда говорил Мишке Терехов?» – попытался вспомнить. Быть мужиком. Даже сняв погоны, оставаться в душе офицером. Доказать себе и всем, что могу быть счастливым. Создавать семью, рожать детей и строить себе и близким счастливую жизнь, несмотря на собственную ущербность.

Голова и руки на месте, перемещаться могу. Все зависит от меня. Надо начинать жить заново при других обстоятельствах, не забывая о прошлом. Не терять связь с друзьями, но не докучать им своими проблемами. Похоже, только друзья и останутся у меня после выписки из госпиталя. Надо их беречь и начинать жизнь с нового чистого листа. «Да! И все чеки с деньгами тоже перевести в доллары, как посоветовал доброй тете Маше», – вспомнил.

Приняв решение, удовлетворенный заснул под монотонный шум машины.

Глава 3. Начало гражданской жизни. Осень 1990 года.

Приезд. Первое знакомство.

Автобусный вокзал располагался в историческом центре моего города. Когда-то на этом самом высоком холме возвышался величественный Воскресенский собор города. Рассматривая в городском Краеведческом музее в школьные годы старые фотографии, удивлялся: зачем снесли такую красоту? Сейчас на месте архитектурного шедевра с колоннами и куполами находилась обшарпанная невыразительная коробка автовокзала с отваливающейся штукатуркой и расписанная на оставшихся ровных местах всевозможными граффити.

Выгрузив свой багаж из междугородного рейсового «Икаруса», огляделся. Это историческое место и сегодня являлось официальным центром города. Автовокзал находился у перекрестка центральных улиц. Через дорогу возвышался памятник горожанам, погибшим в Великую Отечественную войну. Высокая стела символизировала три штыка от трехлинейки. У подножия – чаша вечного огня, сейчас не горевшего. Территория вокруг памятника выложена плиткой.

На окружающих сооружение ровных газонах посажены голубые ели. По традиции брачующиеся молодожены всегда возлагали цветы к подножию монумента и фотографировались. В праздничные дни рядом воздвигали трибуну, мимо которой проходили колонны горожан, приветствующие руководителей города, и проводились митинги.

Когда заключали брак со Светкой тоже запечатлелись на фоне монумента. Фотографии с нашей свадьбы где-то лежат среди остальных – школьных, училищных и армейских. Все руки не доходили купить альбомы и разложить. Вероятно, теперь найдется время на все.

От автовокзала через дорогу все выглядело красиво, но уже во время бракосочетания вблизи было заметно, что облицовочная плитка отваливалась, а территория и сам монумент требовали реставрации. Сейчас уже отсюда было видно, что ели поломаны и ободраны, а газоны заросли. Не думаю, что в нынешнее тяжелое время у местных властей найдутся финансы на ремонт.

Памятник занимал часть старой рыночной площади, где с тех времен остались старинные торговые ряды, в настоящее время занимаемые многочисленными магазинами и кооперативными предприятиями. По субботам на прилегающих площадях и улицах разворачивался многолюдный рынок, популярный у населения северо-запада области.

Через другую дорогу виднелась невзрачная ограда городского сада, ранее популярного места отдыха горожан, где

когда-то работали аттракционы, действовала танцевальная площадка для молодежи и летняя эстрада для выступлений городских и заезжих артистов. Здесь можно было в выходные покатать детей на каруселях, познакомиться с девчонкой, съесть мороженого, выпить стопку водки или стакан вина, пострелять в тире, посидеть на многочисленных лавочках или погулять по аллеям.

Всегда по приезду в город после продолжительного перерыва в глаза бросалась городская запущенность и не ухоженность на фоне накануне виденных крупных городов и с каждым годом становилось все хуже. Потом, как правило, привыкал и уже не удивлялся. Знакомые пожимали плечами или обижались за наш город на мою оценку. «Квасной» патриотизм аборигенов заставил в будущем держать свое мнение при себе.

За последние годы городской сад пришел в упадок. Территория заросла, аттракционы не действовали и частично были демонтированы, танцы и концерты не проводились, торговля заглохла.

До революции город считался купеческим и зажиточным. Это подтверждали многочисленные старинные дома вычурной архитектуры на главных улицах, когда-то явно красивые, а сейчас требующие сноса или срочного ремонта.

Вздыхнул и покосился на свои чемоданы с кейсом. Нужная мне остановка общественного транспорта находилась на другой стороне улицы метрах в двухстах. Несмотря на то,

что один импортный чемодан был на колесиках, но для моей одной свободной руки – неподъемный багаж. Другой рукой я опирался на инвалидную палку. Этот атрибут в последние месяцы стал постоянной моей опорой при перемещении. Сделав несколько шагов, выглянул из-за массивного автобусного корпуса на то место, где когда-то стояли такси.

Однажды, приехав в очередной отпуск с тяжелым чемоданом попытался доехать до дома с комфортом как «белый человек». К моему удивлению бездельничающие таксисты не обрадовались клиенту. Ели уговорил одного из них подбросить меня до ближайшей автобусной остановки и только потом узнал, что таксисты сидели на окладе от автохозяйства и возили только работников государственных учреждений, заключивших договор на оказание транспортных услуг с их предприятием.

Сейчас вместо государственных таксомоторов в колонне стояли частные автомобили и возле них, собравшись в кружок гоготали молодые парни.

Заметив мой интерес, один из них крикнул:

– Тебе куда, командир?

«Знакомая фраза, объединяющая всех таксистов и шабашников-бомбил, подрабатывающих извозом во всех аэропортах и вокзалах крупных городов от Владивостока до Ленинграда!» – ухмыльнулся про себя.

– В гостиницу! – громко ответил.

– Поехали, – кивнул тот на первую машину.

– Помоги загрузиться, – попросил.

Водитель замялся, но взглянув на мою палку неохотно поплелся к автобусу, а остальные «извозчики» засмеялись. Когда тронулись, водила проинформировал:

– Три рубля.

– Ты меня через Заводской поселок собрался везти? – демонстративно удивился названной цене намекнув, что знаю город.

От автовокзала до гостиницы было меньше километра.

– Рубль и не наглей, – отвернулся к окну, разглядывая знакомые окрестности и выискивая изменения, которые могли произойти после моих прежних посещений города.

Последний раз был здесь на похоронах мамы, но тогда мне было не до городских красот.

Асфальт на дорогах и тротуарах потрескался и пестрел выбоинами, газоны заросли и были засорены. «Куда делись дворники?» – удивился. Старые дома даже на центральной улице ветшали и разрушались. Встречались откровенные развалюхи, хотя в некоторых еще проживали люди.

Вид окрестностей вызывал жалость. Деревья на обочинах были давно не стрижены, как регулярно делали в брежневские времена. «Представляю, что творится на пустырях и в глубине дворов!» – усмехнулся про себя.

«Машину надо покупать!» – пришла разумная мысль. Ходить по инстанциям придется много. Насколько знаю, официальные учреждения разбросаны по всему городу. Хоть го-

родок не большой, но с больной ногой не находишься, а ездить на такси с подобными рвачами слишком накладно даже для меня.

Водитель обиженно сопел, глядя на проезжую часть. Выгружая чемоданы из багажника у входа в гостиницу, он заискивающе предложил:

– Накинуть бы за багаж!

– Если подъедешь через час, то получишь свой «трояк». Мне еще в Заводской поселок надо будет съездить, – обрадовал его.

Услышав предложение, довольный парень с готовностью подхватил оба чемодана и потащил в гостиницу. Пока хромал от входа к стойке администратора, был осмотрен, оценен и взвешен опытным взглядом дежурной по гостинице.

– Здравствуйте! Что Вы хотели? – профессионально улыбнулась молодящаяся женщина, лет сорока.

Сунув рубль вопросительно смотрящему таксисту, улыбнулся ей в ответ:

– Номер на пару дней пока, а потом будет видно.

– У Вас бронь? Вам люкс, сколько комнат или полулюкс? – поинтересовалась, продолжая улыбаться.

– Главное, чтобы был телефон, койка и горячая вода, – ответил, прикидывая – за какое время смогу снять комнату с телефоном у частного.

Насколько помнил – в жилых домах горячей воды не было, а город был слабо телефонизирован.

– Полулюкс устроит? – спросила администратор.

Дождавшись моего кивка, протянула бланк и попросила:

– Ваш паспорт, пожалуйста, и заполните карточку.

На пункте выданного документа о цели заселения задумался и написал «командировка». Передавая заполненную карточку с Удостоверением личности офицера вместо паспорта, заметил – у женщины дрогнула рука, а я удостоился очередного внимательного взгляда.

Мне еще только предстояло получать Паспорт гражданина СССР, а для этого надо решить вопрос с пропиской и встать на воинский учет в военкомате. Инвалидность еще не получена, и я по-прежнему являюсь военнообязанным. «В военкомате к тому же надо оформить и получить удостоверение участника боевых действий, дающее право на льготы», – вспомнил информацию, полученную от кадровика госпиталя.

Передавая ключ с пристегнутым бочонком с номером комнаты и бланком квитанции, администратор посоветовала:

– На третий этаж можете подняться на лифте, – показала рукой в сторону. – У дежурной по этажу можно заказать чай и попросить утюг. Карточку передайте дежурной. Будете уходить, ключ от номера оставляйте здесь. Ценные вещи, деньги и документы рекомендую сдать в хранилище, – проинструктировала.

Поблагодарил и направился к лифту под внимательным

взглядом женских глаз. Столько прожил в городе, но не знал, что наша четырехэтажная гостиница оборудована лифтом! «Сервис, блин! Хранилище, горячая вода, и лифт! Чего еще не знаю о гостинице? Может и девочку на ночь можно заказать?» – мысленно иронизирую.

Через час тряся в «Жигуленке» Виталия (так звали «бомбилу») по выщербленной дороге в Заводской поселок к тете Маше. По времени она уже должна была вернуться с работы и быть дома, если не уехала на дачу. С собой захватил только кейс со своей наличностью и ценными вещами. Не хотелось рисковать, оставляя все деньги в гостинице, а также сообщать о сумме, сдаваемой в хранилище.

– Машина больше не понадобится? – поинтересовался Виталий.

– Понадобится, – согласился подумав. – Только, как с тобой связаться? – заинтересовался.

– Можно договориться о времени, и я подъеду, если не буду занят, – предложил он.

«В крайнем случае, сегодня до гостиницы доберусь сам, а завтра надо начать обход учреждений с военкомата», – планирую.

– Подъезжай завтра к гостинице к десяти утра, – предложил парню. – И еще! Не знаешь, продает ли кто машину? – вспомнил о необходимости своего транспортного средства.

Виталий удивленно покосился на меня и кивнул головой, а потом проявил интерес:

– Собираешься жить у нас в городе? Откуда ты?

– Отсюда, – коротко ответил, думая о своем.

– А машина, какая нужна? – не унимался водитель.

– Типа этой, – хлопнул рукой по панели приборов, – не требующая ремонта хотя бы в течение года, – добавил.

Тетя Маша.

Еще в госпитале много думал о постоянном месте жительства после излечения и увольнения из Вооруженных Сил. Всегда все отпуска проводил на родине и не ездил в различные санатории и Дома отдыха Министерства Обороны. Тянуло домой к знакомым с детства местам, друзьям и родителям. Терехов и многие другие советчики с лучшими намерениями предлагали разные большие и малые города, удобные для проживания военных отставников. Однако решил вернуться в свой город, несмотря на то, что родителей уже нет, а друзья разъехались, переженились или спились. Меня никто здесь не ждал и никому я не был нужен, но все-таки решил обосноваться в своем городе детства.

Тетя Маша была дома. Не спрашивая кто звонит открыла дверь, охнула, увидев меня, обняла и заплакала.

– Слава богу, вернулся! А я уж заждалась! Проходи, проходи, – предложила посторонившись. – Ты насовсем? – поинтересовалась, запирая дверь.

– Да, – односложно ответил, остановившись в прихожей.

В узком коридоре, выполняющем роль прихожей присесть было некуда. Слева – вешалка для одежды, дальше трюмо с баночками, тюбиками и расческами, а справа двери в туалет и ванную.

Вместо ампутированной пятки для ходьбы использо-

вал рекомендуемые врачами супинатор или пристегиваемый протез, поэтому при обувании испытывал определенные трудности и, как правило, надевал обувь сидя.

Добрая женщина, не задумываясь о моих затруднениях, просто подтолкнула в сторону кухни – привычном месте для серьезных разговоров и пока собирала на стол, рассказывала о местных новостях.

– Где думаешь остановиться? – поинтересовалась, когда выпили ее самодельной настойки за встречу. – Живи у меня, – предложила. – И мне веселее, и тебя покормлю и обстираю. Места хватит, – добавила и оглядела кухню.

– Пока в гостинице поселился, – сообщил, предчувствуя ее реакцию.

– Вот еще выдумал! – всплеснула в негодовании руками. – Зачем меня обижаешь? Ты ведь, Андрюша, для меня как родной! Переезжай и живи у меня сколько хочешь, – завершила категорично.

– Хорошо, – согласно кивнул.

– Почти всю вашу обстановку и дачу продала. Только боюсь, задешево, – выплеснула на меня очередную порцию информации и стала перечислять проданные предметы и вырученные за них суммы. – Какая из меня торговка? – посетовала.

Отмахнулся:

– Продали и хорошо! Я бы вообще большую часть просто раздал или выбросил.

– Вот еще! Вещи хорошие и еще послужат, а швейную машинку я забрала, как тогда договаривались, – возмутилась моей бесхозяйственностью и продолжала отчет. – Только с долларами не стала связываться. Узнала, что за это дело сажают, и побоялась, – смутилась. – Решила, приедешь и сам этим занимайся, если считаешь нужным.

– Правильно, – успокоил женщину. – Сейчас снимайте все деньги со сберкнижки, и я постараюсь при случае обменять их все на валюту, – пообещал.

Я был уверен, что государство вскоре, спасая финансовую систему, обесценит деньги, а такие простые люди, как тетя Маша враз станут нищими. Всю жизнь люди работали, не жалея сил, поднимали страну из руин и создавали одну из самых сильных экономик мира. Откладывая небольшие суммы из невысоких зарплат на старость, в одночасье лишатся всех сбережений благодаря родному государству. Только не знал точно, когда это произойдет.

Сейчас смотрел на пожилую честную женщину и мне становилось жалко ее. Почему-то крепла уверенность, что на склоне лет ее без моей поддержки, как многих тысяч пенсионеров ожидали лишения и нужда. Хорошо еще, что у нее есть дача, и голод ей не грозит пока позволит здоровье выращивать урожай.

«Обязательно ей надо будет помогать, если наступят тяжелые времена!» – планирую про себя.

Между тем тетя Маша, не обращая внимания на задумав-

шегося собеседника пересказывала различные новости, делилась своим мнением, жаловалась на трудности с продуктами. Вероятно, одинокой женщине не хватало общения, и она была рада жильцу и слушателю.

Из ее рассказа уловил, что с продуктами и товарами первой необходимости у заводчан было трудно, но терпимо. Завод часто распространял продукты и табачные изделия среди работников по приемлемым ценам. Хлеб и молочные продукты в магазинах города продавались без перебоев, а талоны на водку и сигареты тетя Маша обменивала. К ее сожалению не все талоны успевала отоварить за месяц, хотя уже накопился изрядный запас мыла, зубной пасты, моющих средств и постельного белья. Сахар у нее уходил на самогонку, но и для чая с вареньем хватало.

– После того, как Горбачев дал волю директорам заводов, наш Платонов со своим заместителем Гулуевым никого не стесняясь начали разворовывать завод. Цветной металл вагонами стали продавать куда-то. Новый цех не успели запустить, как все новейшее оборудование опять демонтировали и увезли, а там были импортные станки с ЧПУ. При заводе пооткрывали кооперативов, своих детей директорами туда пристроили, а из заводского сырья начали делать и торговать мебелью, ширпотребом, лют из пластмассы всякие гребни, расчески и детали для заводских машин. Зарабатывают, говорят там сумасшедшие деньги, какие заводским рабочим и не снились, – с возмущением делилась заводскими новостями

ми. – Слава богу, сейчас оба ушли в городское руководство – Платонов председателем горисполкома, а Гулуев его заместителем. Теперь город они будут грабить, а на завод вернется старый директор Нечаев. Он коммунист – за производство душой болеет и рабочих, как может поддерживает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.